

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 3 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор

Бабич И.Л., д.и.н.

Луковская Д.И., д.ю.н., профессор

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор

Нижник Н.С., д.ю.н., профессор

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент

Зенин С.С., к.ю.н.

Клименко А.И., к.ю.н., доцент

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Социальные аспекты правоприменения

Яценко Т.С. Влияние теории социальной функции на эволюцию гражданского права 3

Куранов В.Г. Российское законодательство об оказании медицинских услуг: исторический аспект 8

Никитина Г.А. Борьба с нарушениями трудовой дисциплины в удмуртских «крупхозах»: советское прошлое и настоящее 13

Дубровин Ю.Д. Особенности правового регулирования труда в СССР в период 1930–1940-х годов 18

Шахова Е.С. Становление и развитие сети детских учреждений в Курской губернии в 20-е годы XX века как одно из средств борьбы с детской беспризорностью 24

Стражевич Ю.Н., Сленко Г.Е., Конохов М.В. Реализация принципа свободы заключения брака военнослужащими: история и современное правовое регулирование ... 27

Фабричная Т.Б. Спорные правовые вопросы тайны усыновления в советском семейном законодательстве 60–80-х годов XX века 33

Территория, государство, закон

Исаев И.А. Государство и нация в пространстве 40

Поликарпова Е.В. Понятие «oriental despotism» как часть европоцентризма 45

Смирнова Е.С. Международно-правовое сотрудничество славянских и германских народов: некоторые вопросы институционального развития в ракурсе истории права 51

Тонков Е.Е., Сафронова Е.В. Организация Объединенных Наций: прошлое, настоящее, будущее (обзор материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию принятия Устава ООН) 58

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. — 5,0. Усл. печ. л. — 5,0.

Номер подписан в печать 13.01.2016 г.

Номер вышел в свет: 11.02.2016 г.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Почта России — 10866;
«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2

Тел. (4842) 70-03-37

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ)

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 3 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl # ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Lukovskaya D.I., doctor of juridical sciences, professor;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Nizhnik N.S., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences; professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "JURIST":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence
Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay
for publication of their articles.

Social Aspects of Law Enforcement

- Yatsenko T.S.* Influence of the Social Function
Theory on the Civil Law Evolution 3
- Kuranov V.G.* The Russian Healthcare Legislation:
Historical Aspect 8
- Nikitina G.A.* Struggle against Labor Discipline
Violations in Udmurt Sizeable Enterprises:
The Soviet Past and the Present..... 13
- Dubrovin Yu.D.* Characteristics of Legal Regulation
of Labor in the USSR during the 1930s — 1940s..... 18
- Shakhova E.S.* Formation and Development of Children's
Institutions Network in Kursk Province in 1920s as one
of Ways of Struggle against Children's Homelessness 24
- Strazhevich Yu.N., Slepko G.E., Konokhov M.V.*
Implementation of the Principle of Marriage Freedom
of Military Servants: History
and Modern Legal Regulation..... 27
- Fabrichnaya T.B.* Disputable Legal Issues
of the Adoption Confidence in the Soviet Family
Legislation in 1960s—1980s 33

Territory, State, Law

- Isaev I.A.* The State and Nation in Space..... 40
- Polikarpova E.V.* The "Oriental Despotism"
Concept as a Part of Eurocentrism 45
- Smirnova E.S.* International Legal Cooperation
of Slavic and German Peoples: Several Issues
of Institutional Development from
the Law History Perspective 51
- Tonkov E.E., Safronova E.V.* The United Nations
Organization: Past, Present, Future.
(Survey of Materials of the International Scientific
and Practical Conference devoted
to the 70th Anniversary of adopting
the UN Charter) 58

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel)
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1.
Printer's sheet — 5,0.
Conventional printed sheet — 5,0.
Passed for printing 13.01.2016.
Issue was published: 11.02.2016.

Circulation 3000 copies.
Free market price.

Subscription:

Russian Post — 10866;
«United Catalogue» — 85492 (for 6 months).
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031
Tel.: (4842) 70-03-37

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor of these.

Founder:
Publishing Group "JURIST"

Влияние теории социальной функции на эволюцию гражданского права

Яценко Татьяна Сергеевна,
исполняющая обязанности заведующего кафедрой
гражданского права юридического факультета
Южного федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
tat-yacenko@yandex.ru

Теория социальной функции зародилась в начале XIX века под влиянием серьезных социально-экономических преобразований и постепенно нашла свое отражение в нормах гражданского права зарубежных стран, а позднее и в России. Данная теория в современных условиях получает новое значение и позволяет обосновать ограничения и обязанности, возлагаемые нормами гражданского права на участников оборота в публичных интересах. Особую актуальность ее положения приобретают в связи с ростом в отечественном обороте числа антисоциальных действий (рейдерских захватов, создания фиктивных юридических лиц, незаконных корпоративных поглощений), поскольку возможной становится постановка вопроса о необходимости соблюдения участниками оборота социально-экономического назначения институтов гражданского права.

Ключевые слова: гражданское право, социальная функция, социальная обязанность, публичный интерес, социальное назначение, право собственности.

Influence of the Social Function Theory on the Civil Law Evolution

Yatsenko Tatyana S.,
Acting Head of the Civil Law Department at the Faculty
of Law of the Southern Federal University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

An impetus to the social functions theory occurred during the XIX century under the influence of serious social and economic transformations. The theory gradually found the reflection in foreign and later in Russian Civil Law. In the current context, the theory takes on new significance and allows establishing the restrictions and duties imposed in public interests by the Civil Law norms. The theory becomes as relevant as ever in situation of antisocial actions number growth in Russian turnover (raider captures, creation of sham companies, illegal hostile takeovers) and allows raising a question about the observance by the persons of law the social destination of Civil Law institutes.

Key words: civil law, social function, social obligation, public interest, social intended purpose, right of property.

В основе гражданско-правового механизма охраны публичных интересов лежит признание того факта, что на субъект в интересах социального целого могут быть возложены обязанности особого рода. Данная идея первоначальное обоснование получила в трудах основателя стоицизма Зенона¹. Позднее она была развита Цицероном, который считал, что ни одна из сфер человеческой жизни (ни государственная, ни судебная, ни частная, ни домашняя) «не может быть свободна от обязанности», в служении которой проявля-

ется «вся нравственная красота жизни», а «в пренебрежении к ней позор»².

В XIX веке указанная идея приобрела новое значение, что было связано со сложившейся в это время кризисной ситуацией, когда негативные последствия развития капиталистических отношений можно было нивелировать, только ограничив свободу усмотрения индивида в интересах социального целого. Именно поэтому идея социальных обязанностей была положена в основу учений О. Конта и Э. Дюркгейма о социальной солидарности³.

¹ Стоики: фрагменты, свидетельства о них // История политических и правовых учений. Часть 1: Зарубежная политико-правовая мысль: Хрестоматия / сост. В.В. Ячевский. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2000. С. 173.

² Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 59.

³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990.

Социальное чувство, по мнению Конта, является «первым необходимым основанием всякой здоровой морали»⁴. Человек своим развитием обязан обществу, а потому новая философия должна стремиться к развитию в людях чувства тесной социальной солидарности, к обнаружению связи «каждого со всеми», когда удовлетворение общего блага будет рассматриваться как «способ, наиболее пригодный и обычный для обеспечения частного благополучия»⁵.

Идея Конта о солидарности была воспринята в юриспруденции французским ученым Леоном Дюги и немецким юристом Отто Гирке, исследования которых составили основу социальной теории права⁶. Сущность этой теории заключается в признании сотрудничества между людьми в качестве основного факта социальной жизни.

Здесь уместно вспомнить, что идея сотрудничества была близкой Р. фон Иерингу, который писал о солидарности частноправовых взаимозависимых интересов⁷. Находила она отклик и у русских ученых. Ю.С. Гамбаров, в частности, требовал социальной солидарности объяснял право государства устанавливать пределы субъективных прав и границы их осуществления⁸.

Идея сотрудничества обнаруживается современными учеными в гражданско-правовой обязанности сторон договора предпринимать меры по согласованию условий, по которым возникли разногласия, в требовании оказывать помощь друг другу в исполнении условий договора⁹.

В действительности, данная идея нашла в гражданском праве более широкое отражение. Регулируя отношения между равноправными, автономными и экономически самостоятельными субъектами, гражданское право решает задачу согласования их интересов таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечить наиболее полное их удовлетворение, с другой — чтобы не допустить их нарушений. Гражданское право предупреждает негативные последствия разнонаправленности интересов участников оборота, обеспечивая разнообразными мерами сотрудничество своих субъектов, без которого нормальное развитие оборота невозможно.

Именно объективная необходимость сотрудничества между людьми требует, чтобы каждый человек выполнял определенную социальную функцию. Такая функция, в свою очередь, оправдывает и объясняет возможность возложения на субъект обязанностей в интересах социального целого¹⁰.

Надо сказать, что теория социальной функции получила свое глубокое обоснование еще в XIX веке, оказав существенное влияние на все последующее развитие гражданского законодательства разных стран мира, включая Россию¹¹.

Журнал российского права. 2008. № 6 // СПС «Гарант».

⁴ Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / пер. с фр.; предисл. М.М. Ковалевского. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 54.

⁵ Там же. С. 55–56.

⁶ Эту теорию нужно отличать от теории «социального права», которую в России разрабатывал Г.Д. Гурвич. См.: Гольденвейзер А.А. В защиту права: статьи и речи. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952. С. 156.

⁷ Иеринг Р. Цель в праве / Избранные труды. Самара: Самарская гос. экономическая академия, 2003. С. 226.

⁸ Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 417.

⁹ Богданов С.В. Влияние научных взглядов Леона Дюги на развитие гражданского права //

¹⁰ Нужно сказать, что учение о солидарности людей, живущих в обществе, предопределило развитие идей о социальных обязанностях (функциях), которые возлагаются не только на каждого индивида и коллективное образование, но и на государство. По сути, эти идеи подорвали значение главного постулата, который до XIX века раскрывал основу взаимоотношений государства и его подданных и был сформулирован Томасом Гоббсом: суверен, издающий законы, свободен от подчинения им. См.: Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 183. Признание за отдельными классами и обществом социальных обязанностей привело сторонников нового учения к идее о взаимной ответственности государства и человека. См.: Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства / пер. А. Либензона. СПб., 1909.

¹¹ Идея социальной функции нередко составляет основу и современных исследований разнообразных институтов права. См., напр.: Сергеев А.А. Регистрационный учет граждан Российской Федерации: социальные функции и проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 38–44.

Проанализировав состояние современного ему общества, один из основоположников этой теории Леон Дюги сделал вывод о том, что объективные потребности делают необходимым отказ от понятия субъективного права и замену его понятием социальной функции, то есть социальной обязанности, заключающейся в выполнении индивидом некоей миссии¹². Если индивид откажется выполнять свою функцию, то в обществе произойдет беспорядок, его интересам будет причинен вред. Поэтому действия человека, не соответствующие лежащей на нем функции, подавляются обществом. Отказ от индивидуалистической доктрины субъективных прав и замена ее идеей социальной функции позволяет, по мнению Л. Дюги, возлагать на человека обязанности, например, получить образование и трудиться, а также ограничивать его действия в интересах коллектива¹³. Столь критикуемая современниками ученого, эта мысль позднее нашла свое воплощение в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека ООН от 10 декабря 1948¹⁴, согласно которой «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности».

Отрица существование субъективных прав, Л. Дюги отрицает и наличие субъекта права. Право защищает не субъекта и не его права, а цель, предопределившую юридический акт коллектива, корпорации, человека. В качестве примера того, что цель становится важнейшим элементом юридической квалификации действий индивида, французский ученый приводит договор займа. Согласно индивидуалистической концепции, которая нашла свое закрепление в Кодексе Наполеона, если заемщику передан дозволенный предмет (деньги) и соблюдены иные условия, то договор займа считается действительным независимо от цели, ради которой договор займа заключался. Однако в судебных решениях французских судов XIX века договоры займа стали признаваться недействительными по мотивам того, что они совершались с целью,

противоречащей общественному порядку или добрым нравам¹⁵.

Здесь нужно еще раз обратить внимание на то, что абстрактный по своей правовой природе договор займа признавался, вопреки этой природе, недействительным, потому что цель, которую он преследовал, явно отвергалась обществом. По сути, именно данный подход стал источником теории, согласно которой каждый институт права имеет свое социальное назначение и под угрозой применения мер ответственности не должен использоваться субъектом вопреки такому назначению. Данное положение связано с тем, что искажение функции правового института негативно сказывается на общественных отношениях, регулируемых нормами права. Полагаем, что именно поэтому в гражданское законодательство стали вводиться такие категории, как «добрая совесть», «добрые нравы», «общественный порядок», которые были призваны стать дополнительными ориентирами социально правильного поведения, а также уточнить для субъектов назначение правовых институтов, которому они должны следовать, как это было в случае с договором займа.

Надо сказать, что предложение Л. Дюги отказаться от категории субъекта права вызвала неоднозначную реакцию в научной среде. К примеру, А.Э. Нольде был возмущен тем, что у Л. Дюги субъект права получил статус должностного лица, состоящего на службе у социального целого, что, по мнению русского ученого, противоречило цивилистическому пониманию субъекта¹⁶. Однако он не учел, что французский правовед вовсе не стремился в своих выводах остаться в рамках классической теории. Его идеи во многом предвосхитили время, некоторые из них нашли свое подтверждение гораздо позднее, но многое он сумел увидеть именно в современных ему тенденциях развития правового регулирования. В частности, Л. Дюги считал, что распространившаяся во Франции к концу XIX века практика объективной ответственности за вред, причиненный вещами, связана с тем, что собственность перестала быть правом и становится социальной функцией, а потому элементом этой функции является собственник, который, «извлекая пользу из блага, держате-

¹² Дюги Л. Указ. соч. С. 8.

¹³ Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона / пер. с фр. М.М. Сиверса; под ред. и с предисл. проф. А.Г. Гойхбарга. М., 1919. С. 25–26.

¹⁴ Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1 / сост. и вступ. ст. К.А. Бекашева, А.Г. Ходакова. М.: БЕК, 1996. С. 463.

¹⁵ Дюги Л. Указ. соч. С. 43, 56–57.

¹⁶ Нольде А.Э. Очередные вопросы в литературе гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 1. С. 136.

лем которого он является, должен нести риск вреда, причиненного этим благом»¹⁷.

Вообще идея собственности как социальной функции не является новой и ранее была высказана Фомой Аквинским, который полагал, что вещи в мире есть подарок Бога людям, а потому тот, кто обладает большим количеством вещей, должен делиться с теми, кто в этом нуждается. С этой точки зрения человек, будучи собственником имущества, обязан использовать свое имущество таким образом, чтобы выполнять социальную функцию, сочетая свой собственный интерес с общим интересом¹⁸.

Понимание собственности как социальной функции позволило Л. Дюги утверждать, что права собственника должны защищаться только тогда, когда он осуществляет свою функцию. Более того, собственник может принуждаться к исполнению данной функции. Критикуя это утверждение, противники Л. Дюги указывали на тот факт, что «ни одно законодательство не возлагает еще на собственника обязательства обрабатывать свое поле, содержать в исправности свои дома, пускать в оборот свои капиталы; а между тем таково было бы логически необходимое последствие понятия собственности-функции»¹⁹. Кроме того, И.А. Покровский напоминал о существовании «мертворожденной», по его словам, нормы в прежнем Прусском земском уложении, которой закреплялась обязанность землевладельца культивировать свой участок, а также предусматривалась возможность его принуждения к этому мерами власти «в интересах удовлетворения общей нужды»²⁰.

Однако вопреки всем скептическим замечаниям понимание собственности как функции позднее нашло отражение в законодательстве целого ряда европейских государств²¹. К примеру, в ст. 153 Конституции Германии 1919 года предусматривалось, что «собственность обязывает...». В ст. 155–156 Конституции

подчеркивалось, что «обработка и эксплуатация земли является обязанностью землевладельца по отношению к обществу...»²². В Конституции ФРГ 1949 года фраза «собственность обязывает» была дополнена указанием на то, что «пользование ею должно одновременно служить общему благу»²³. В Итальянском гражданском уложении (1938–1941 гг.) было предусмотрено право государственных органов в случае неотложной общественной потребности налагать на собственников дополнительные обязанности²⁴. Статья 42 Конституции Италии гласит: «Социальное государство устанавливает пределы частной собственности с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех»²⁵.

Сегодня идея собственности как функции поддерживается даже либерально настроенными западноевропейскими учеными. Они рассматривают ее в тесной связи с концепцией гарантированных прав личности. Это позволяет, с одной стороны, признавать свободу собственника в осуществлении принадлежащего ему права. С другой — доказывать, что государство все же может устанавливать границы реализации этого права в общественных интересах²⁶.

Особенно ярко влияние этой идеи проявляется в правовой регламентации осуществления субъективных прав на земельные участки. Земля является природным объектом, имеющим особое социальное значение: составляя территорию государства, она образует основу жизнедеятельности проживающих на этой территории людей. Поэтому на собственника земельного участка возлагается целый ряд специальных обязанностей, которые требуют от него не наносить вреда окружающей среде, обеспечивать охрану земель,

¹⁷ Дюги Л. Указ. соч. С. 88.

¹⁸ См.: Alpa G., Zeno-Zencovich V. Op. cit. P. 120–122.

¹⁹ Дюги Л. Указ. соч. С. 18–19, 89.

²⁰ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 111.

²¹ Уместно обратить внимание на то, что еще в Древнем Риме продолжительное неосуществление некоторых прав, по свидетельству Ю. Барона, влекло за собой их утрату. См.: Барон Ю. Система римского частного права. Вып. 1. Книга 1. Общая часть / пер. с нем. Л. Петражицкого. СПб., 1898. С. 172.

²² Цит. по: Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юридическое изд-во НКЮ УССР, 1928. С. 32.

²³ Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада / Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2004 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Венедиктов А.В. Право государственной социалистической собственности // Вопросы советского гражданского права. Сборник I / под ред. проф. М.М. Агаркова. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. С. 86.

²⁵ Цит. по: Габрелян Э.В. О правовом и социальном государстве // Российская юстиция. 2011. № 5. С. 34.

²⁶ См.: Alpa G., Zeno-Zencovich V. Op. cit.

лесов, водных объектов, своевременно использовать земельные участки, «не допускать загрязнение, захламление, деградацию и ухудшение плодородия почв на землях соответствующих категорий» (ст. 42 Земельного кодекса РФ²⁷). При этом отказ собственника от осуществления принадлежащих ему прав на земельный участок не влечет прекращения указанных обязанностей (ст. 43 ЗК РФ).

Понимание того, что институт собственности выполняет определенную социальную функцию, делает возможным и изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд (ст. 279 ГК РФ).

Кроме того, собственник определенных категорий земель может принуждаться к их использованию под угрозой изъятия земельного участка. В частности, согласно п. 4 ст. 6 Федерального закона от 24.07.2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»²⁸ земельный участок сельскохозяйственного назначения может быть изъят у собственника, если не используется по назначению, то есть для ведения сельскохозяйственного производства. Неиспользование по назначению земельного участка, предназначенного для жилищного или иного строительства, в течение установленного законом времени может повлечь за собой изъятие этого участка (ст. 284 ГК РФ). Такое же последствие может наступить в результате грубого нарушения правил рационального использования земли, которое повлекло за собой, к примеру, существенное снижение плодородия сельскохозяйственных земель (ст. 285 ГК РФ).

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют мысль о том, что признание и защита субъективных прав в гражданском праве может ставиться в зависимость от соблюдения управомоченным лицом назначения соответствующего института права, то есть его социальной функции.

Литература

- Alpa G., Zeno-Zencovich V. *Italian Private Law*. New York: Routledge-Cavendish, 2007.
- Барон Ю. Система римского частного права. Вып. 1. Кн. 1. Общая часть / пер. с нем. А. Петражицкого. СПб., 1898.
- Богданов С.В. Влияние научных взглядов Леоны Дюги на развитие гражданского права // Журнал российского права. 2008. № 6.
- Венедиктов А.В. Право государственной социалистической собственности // Вопросы советского гражданского права. Сб. I / под ред. проф. М.М. Агаркова. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945.
- Габрелян Э.В. О правовом и социальном государстве // Российская юстиция. 2011. № 5.
- Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.
- Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
- Гольденвейзер А.А. В защиту права: статьи и речи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.
- Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона / пер. с фр. М.М. Сиверса, под ред. и с предисл. проф. А.Г. Гойхбарга. М., 1919.
- Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства / пер. А. Либензона. СПб., 1909.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990.
- Иеринг Р. Цель в праве / Избранные труды. Самара: Самарская гос. экономическая академия, 2003.
- Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юридическое изд-во НКЮ УССР, 1928.
- Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / пер. с фр.; предисл. М.М. Ковалевского. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
- Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада / Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2004.
- Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1 / сост. и вступ. ст. К.А. Бекашева, А.Г. Ходакова. М.: БЕК, 1996.
- Нольде А.Э. Очередные вопросы в литературе гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 1.
- Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001.
- Сергеев А.А. Регистрационный учет граждан Российской Федерации: социальные функции и проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3.
- Стоики: фрагменты, свидетельства о них // История политических и правовых учений. Ч. 1: Зарубежная политико-правовая мысль: Хрестоматия / сост. В.В. Ячевский. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2000.
- Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974.

²⁷ Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. 29 окт. Ст. 4147.

²⁸ Российская газета. 2002. № 137. 27 июля.

Российское законодательство об оказании медицинских услуг: исторический аспект

*Куранов Владимир Григорьевич,
заведующий курсом правоведения
Пермского государственного медицинского университета им. ак. Е.А. Вагнера
kuranov.perm@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию становления и развития российского и советского законодательства о здравоохранении. Описываются наиболее значимые законодательные акты Российского государства, которые так или иначе затрагивают медицинские вопросы. Среди них — Русская Правда, Судебник 1497 года, Воинский Устав Петра Первого, Медицинское уложение 1875 года.

Нормативно-правовые акты советского периода, регулирующие отношения в сфере оказания медицинской помощи, рассматриваются в контексте построения государственной системы здравоохранения и последующего перехода государства к рыночной экономике.

Делается вывод о том, что советский период (1917–1991 гг.) характеризуется наличием системы государственного здравоохранения на территории страны, которая представляла собой сеть государственных медицинских учреждений, запретом частной медицинской практики, повышенной ответственностью медицинских работников за качество оказываемых ими медицинских услуг, в том числе уголовной.

Ключевые слова: медицинское право, история развития медицинских учреждений, история медицинского законодательства.

The Russian Healthcare Legislation: Historical Aspect

*Kuranov Vladimir G.,
Head of the Jurisprudence Course at E.A. Wagner Perm State Medical University*

The present paper is devoted to the study of formation and development of Russian and Soviet legislation. This article is to describe main legislative acts of Russian State which one way or another touched upon medical issues. Among them — Russkaya Pravda, Law Book of 1497, Peter I Military Chapter, Medical Chapter of 1875.

Legal acts of Soviet Period regulating relations in the sphere of rendering medical care are considered in the context of forming a state system of public health and subsequent transformation of the state to market economy.

It was concluded that the Soviet period (1917–1991) is characterized by presence of the system of state public health in the country — a net of state medical institutions, prohibited private medical practice, heightened responsibility of medical staff for the quality of medical care including a criminal one.

Key words: medical law, history of medical institutions, history of medical legislation.

От «Церковного Устава» Владимира Святославича (996 г.), который был первым известным нам источником российского права [7], и вплоть до 90-х годов XX века медицинская деятельность рассматривалась отечественным законодателем как необходимая, социально важная и потому безвозмездная деятельность. «Церковный Устав» установил преимущественно благотворительные принципы работы медицинских учреждений, которые применялись в России вплоть до XVIII века [7]. Содержание лечебных учреждений осуществлялось за счет десятины — налога, направленного на содержание монастырей, а медицинские услуги оказывались преимущественно безвозмездно.

Хотя, надо отметить, что прямые и косвенные упоминания о возмездности медицинской деятельности встречались в различных нормативных актах, например:

— первое упоминание о возмездности оказываемых врачами услуг содержится в «Изборниках Святослава» — источнике, датированном 1073–1076 годами [6];

— Русская Правда (XI век, 1019–1054 годы) предусматривала возмещение материального вреда потерпевшему при нанесении вреда здоровью в виде возмещения стоимости медицинской помощи, что косвенно указывает на то, что в те древние времена практиковалось оказание медицинской помощи на возмездной основе.

Наличие платной медицины в древнейшей и Древней Руси можно объяснить отсутствием установленной законодательно церковной монополии на медицинскую помощь, что способствовало развитию как церковных больниц при монастырях, так и светской медицины, которая, скорее всего, была платной.

Первые упоминания о профессиональных врачах появились при Иоанне III, что было связано с расширением внешнеполитических связей России с Грецией (женитьба Иоанна III на Софье Палеолог) и способствовало прибытию в Москву иноземных врачей. В 1485 году из Рима прибыл Антон Немчина, а в 1490 году — Леон Жидовин [5]. Этот период российской истории можно характеризовать как время становления централизованного государства и монархии, которому было свойственно усиление вертикали власти, увеличение роли князя и уменьшение влияния церкви на общественную жизнь. В этот период законодательная база по регламентации медицинской деятельности отсутствовала, а правовое положение врачей зависело исключительно от субъективного отношения власть имущих, которое было позитивным в случае выздоровления больных и негативным — в случае неудачного лечения, что часто приводило к казни врача.

Правовая регламентация медицинской деятельности была предпринята в системном виде в «Боярском приговоре...» (1571 г.) и Судебнике 1597 года, которые предусматривали наказание врачей за врачебные ошибки. Данный факт был обусловлен образованием Московского государства и появлением первых элементов государственного регулирования различных сфер общественной жизни, а также необходимостью создания отдельного административного органа, который занимался бы администрированием медицинской деятельности в России (таковым была Аптекарская палата, а с 1581 года — Аптекарский приказ) [8].

Наиболее полная и совершенная попытка регламентировать медицинскую и фармацевтическую деятельность на территории России и систематизировать медицинские учреждения была предпринята Петром I, что было обусловлено необходимостью вести военные действия как на территории Российского государства, так и за его пределами [13]. Механизм правового регулирования медицинской деятельности состоял в принятии целого ряда

нормативных актов, регламентирующих медицинскую деятельность:

— Боярский приговор. О наказании незнающих медицинских наук, и по невежеству в употреблении медикаментов, причиняющих смерть больным» включал в себя Указы от 1686 и 1700 годов, которые предусматривали наказание за медицинские преступления, под которыми понимались правонарушения, связанные с лечением больных и приведшие к смерти пациента [11];

— Воинский Устав 1716 года регламентировал вопросы функционирования госпиталей и профессиональной деятельности докторов и аптекарей, вопросы судебной медицины, установил организационно-штатную структуру безвозмездной медицинской службы действующей армии, ввел понятия «доктор» (врач, получивший диплом зарубежного медицинского факультета), «лекарь» (врач, прошедший подготовку в отечественных учебных заведениях либо ремесленным путем), «подлекарь» (средний медицинский персонал и учащиеся госпитальных школ);

— Морской Устав 1720 года содержал артикул 6 «О содержании больных», который регламентировал порядок проведения противоэпидемиологических мероприятий с целью предотвращения инфекций, и главу 10 «О лекарях», которая регулировала вопросы профессиональной деятельности лекарей на морских судах и подчеркивала особую значимость и ценность медицинских работников при ведении боевых действий²;

— Указ Петра I от 14 августа 1721 года «Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской Коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в Губерниях, и о бытии под надзором упомянутой Коллегии госпиталям» установил общие правила организации аптек, контроля и надзора Аптекарского приказа за их деятельностью и за функционированием госпиталей. В качестве прогрессивной тенденции можно указать на нормативное закрепление государственного регулирования ценообразования на лекарственные средства и закрепление права на медицинскую помощь [10].

— Воинский и Морской уставы распространялись не только на воинские, но и на

¹ <http://www.adjudant.ru/regulations/1716-02.htm>.

² http://militera.lib.ru/regulations/russr/1720_ustav-morskoi/index.html.

гражданские правоотношения, благодаря чему они были основными источниками права, регламентировавшими медицинскую деятельность в России на протяжении всего XVIII столетия, и частично оставались действующими вплоть до середины XIX века.

Надо отметить, что оказание медицинской помощи высокого качества рассматривалось в Петровскую эпоху отечественным законодателем как обязанность лиц, получивших и подтвердивших свои специальные знания в области медицины и фармацевтики. Данная же позиция нашла подтверждение и в Указе 1735 года «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях, определенных при них Докторов и прочих Медицинского чина служителей, также Комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих людей» [10].

Врачебный Устав, который объединил все имевшиеся к 1857 году источники отечественного медицинского права, был единым систематизированным источником законодательства, регламентирующего медицинскую деятельность в имперский период, и вошел в XIII том Свода законов Российской империи, который, с незначительными изменениями (редакции 1892 и 1905 гг.), действовал и применялся вплоть до Февральской революции 1917 года. Врачебный Устав состоял из трех «книг» (глав): «Врачебные учреждения», «Устав медицинской полиции» и «Устав судебной медицины» [12] — и рассматривал медицинскую деятельность как социально важную, а также содержал нормы, которые регламентировали порядок взимания оплаты за лечение пациентов при ведении врачами частной практики. Данный факт можно было бы использовать в качестве доказательства трактовки российским законодателем медицинской помощи как услуги. Тем более что Врачебный Устав предусматривал отличные от общепринятых условия взимания оплаты с представителей наиболее состоятельных слоев общества (ст. 276 Врачебного Устава).

Но Врачебный Устав содержал очень жесткие правила оплаты медицинских услуг неимущими, которые предусматривали:

а) недопустимость для врачей, работающих в казенных лечебных учреждениях, взимания платы за оказываемую ими медицинскую помощь (п. 7 ст. 268 Врачебного Устава);

б) запрет врачам, получающим от правительства жалованье, требовать платы свыше установленной законом от неимущих пациентов, которые проживают в поднадзорной этому врачу территории или ведомстве (ст. 269);

в) стоимость некоторых лечебных манипуляций определялась законом: например, на услуги по родовспоможению фиксированная расценка устанавливалась в размере 1 рубля 50 копеек (ч. 4 ст. 277); стоимость сложных хирургических операций законом не фиксировалась и определялась по договоренности между врачом и пациентом, как то: операции на глаза, на почки и др. (п. 4 ст. 275).

Поэтому говорить о трактовке российским законодателем медицинской помощи как услуги можно только условно, так как условия оплаты медицинской помощи очень жестко регламентировались законом в зависимости от вида практики врача (казенное лечебное учреждение или частная практика) и социального статуса пациентов.

Оказание медицинской помощи малообеспеченным слоям российского населения осуществлялось приказами общественного призрения, которые были введены Указом Екатерины II «Учреждением о губерниях» 1775 года и представляли собой губернские учреждения, состоявшие из выборных заседателей под председательством государственного чиновника, в ведении которых находилось управление народными школами, госпиталями, приютами для больных и умалишенных, больницами, богадельнями и тюрьмами, которые существовали на принципах хозрасчета и частичного самофинансирования. Для финансирования деятельности приказов общественного призрения им была разрешена банковская деятельность в виде приема вкладов на хранение и выдачи ссуд под недвижимое имущество и государственные процентные бумаги [2]. Устав об общественном призрении 1857 года дал еще больший толчок распространению и развитию деятельности приказов общественного призрения, так как предусматривал выделение денежных средств из государственной казны в размере 15 000 рублей, которые использовались по мере возникновения в них необходимости [3]. Деятельность приказов общественного призрения наиболее полно регламентировал Устав общественного призрения 1892 года, который содержал перечень лиц, которые

могли лечиться в больницах приказов общественного призрения бесплатно³, в число которых входили наименее обеспеченные слои населения России.

Как верно указывает Мирский М.Б., «приказная медицина», существовавшая в России с 1775 года до конца XIX века, позволила Российскому государству обеспечить равную доступность медицинской помощи для всех слоев общества, включая социально слабозащищенные категории населения, что позволило обеспечить быстрый рост практической государственной медицины [9].

Отдельно необходимо осветить вопрос ответственности врачей за качество оказывавшейся в XIX веке медицинской помощи. Примечательно, что уголовное законодательство не предусматривало уголовной ответственности врача за некачественное и непрофессиональное лечение. А врачи, допускаяшие неоднократные ошибки в процессе лечения, могли быть привлечены только к профессиональной ответственности, которая заключалась в запрете вести врачебную практику вплоть до повторной аттестации врача⁴. Такое положение вещей сохранялось вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Для советской правовой доктрины неприемлемым было узаконение частной собственности, в связи с этим трактовка медицинской помощи в качестве оплачиваемой услуги было идеологически недопустимо. Данное утверждение подтверждают циркуляр наркома здравоохранения от 1921 года, в соответствии с которым была ликвидирована частная медицинская практика в России, как «противоречащая основным началам правильной организации медико-санитарной помощи и общим основам социалистического строительства» [1], и Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников» (1 декабря 1924 г.), которое регламентировало все правовые аспекты медицинской деятельности в новом совет-

ском государстве: определяло права и обязанности врача, правовой порядок проведения лечебно-профилактических мероприятий и хирургических вмешательств, предусматривало основания для привлечения врачей к ответственности за профессиональные правонарушения⁵, которое и легло в основу всего советского законодательства о здравоохранении.

Ответственность медицинских работников за качество оказываемой ими медицинской помощи регулировалась уголовным законодательством и была персонифицированной⁶.

В результате формирования советского законодательства о здравоохранении в период 1917–1925 годов все медицинские учреждения России стали государственными, деятельность их была преимущественно направлена на профилактику и предупреждение заболеваний, медицинские услуги были бесплатными, а частные медицинские учреждения были закрыты. Нормы, регулирующие предоставление медицинских услуг, содержались в актах гражданского, уголовного и административного права. Одновременно советская пропаганда, в сочетании с большой ответственностью медиков за качество оказываемой ими медицинской помощи, всячески способствовала повышению профессионального уровня и социального статуса медицинских работников.

Советское законодательство, регламентировавшее порядок оказания медицинских услуг в период 1930–1969 годов, носило преимущественно ведомственный характер, источники которого часто содержали специфические медицинские термины и были направлены на недопущение эпидемий и массовой гибели советских граждан в тылу во

³ Ст. 199 Устава общественного призрения 1892 года // Свод Законов Российской Империи. Т. XIII (неофициальное издание). СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1913. [Электронный ресурс] URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/220>.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Ст. 870. Отд. VII. О нарушении уставов врачебных. 6-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Изд-во Н.С. Таганцева, 1889.

⁵ Постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников» // Собрание узаконений и распоряжений РКП. 1924. № 88. Ст. 892; изм. и доп., внесенные Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 10 января 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 4. Ст. 45; Постановление Совмина РСФСР от 29 сентября 1956 г. № 660; Указы Президиума ВС РСФСР от 28 марта 1961 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1961. № 13. Ст. 229; от 29 декабря 1971 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1972. № 1. Ст. 1.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР (проект Народного комиссариата юстиции). М., 1922 // СПС «КонсультантПлюс».

время Великой Отечественной войны. Законодательство о здравоохранении более позднего советского периода⁷ не внесло больших изменений в правовой статус медицинских учреждений, не ужесточило ответственность медицинских работников, лишь систематизировало существующую систему здравоохранения, более четко регламентировало порядок администрирования деятельности медицинских работников в лечебных учреждениях и деятельности работников фармацевтической отрасли, а также устанавливало порядок обучения медицинским специальностям. Но надо отметить, что законодательство о здравоохранении данного периода не предусматривало большинства новых методов диагностики, видов медицинской деятельности, а потому потеряло свою актуальность, о чем свидетельствует большое количество изменений, которые были внесены в Закон СССР от 19 декабря 1969 г. «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» в 1979, 1984 (дважды), 1985, 1987, 1990 (дважды) годах⁸.

Профессиональная ответственность врачей в период 1960–1980-х годов была ориентирована преимущественно на предотвращение необоснованных обвинений медицинского персонала и заключалась в проведении административной проверки, по результатам которой принималось решение о возбуждении уголовного дела или об отказе от него [4].

Для советской науки гражданского права понимание феноменов «личный найм» и «услуга» осложнялось тем, что обязательства из

личного найма автоматически трансформировались в трудовые отношения, поэтому доктрина об оказании услуг не могла быть развитой в советское время в полной мере [14].

Тем не менее научный интерес советских правоведов к услугам появился в 70–80-е годы XX века, о чем свидетельствует предложение Фархтдинова Я.Ф. различить понятия «услуга» и «обслуживание».

Более осязаемая кардинальная правовая трансформация отечественной системы здравоохранения началась с демократическими изменениями в российском обществе 90-х годов XX века. В этот период в юридической науке активно велась дискуссия среди правоведов о необходимости законодательного закрепления категории «услуга», которая закончилась принятием в 1996 году второй части Гражданского кодекса РФ, в которой регламентации возмездного оказания услуг была посвящена глава 39⁹ и было дано законодательное определение договора возмездного оказания услуг, который представлял собой такие правоотношения, при которых исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги (п. 1 ст. 779 ГК РФ). Примечательно, что отечественный законодатель прямо указал, что правила данной главы применяются к медицинским услугам (п. 2 ст. 779 ГК РФ). С тех самых пор понятие «услуга» находится в постоянном развитии, изучается как юристами-практиками, так и теоретиками с целью оптимизации общественных отношений и совершенствования действующего законодательства.

Резюмируя все сказанное, можно сделать вывод о том, что за всю тысячелетнюю историю российского врачевания трактовка медицинской деятельности как услуги появилась сравнительно недавно — с конца XX века.

Литература

1. Акопов В. К истории судебной ответственности врачей // Научно-культурологический журнал. 2001. № 10 (64). 23.

⁹ Помощь, услуга и работа в медицине: существенные различия и особенности правоотношений // [Электронный ресурс] URL: <http://ZDRAV.ru> — портал информационной поддержки медицинских руководителей // <http://www.zdrav.ru/articles/practice/detail.php?ID=77696>.

2. Андреевский И.Е. О первых шагах деятельности С.-Петербургского приказа общественного призрения (на основании архивных документов). Читано на торжественном акте археологического института 14-го мая 1889 г. // Русская старина. 1889. Т. 63. № 8. С. 447–456.
3. Благотворительность в России: в 2 т. Т. 1. СПб., 1907. С. 163.
4. Бобров О.Е. Медицинское право или бесправие медицины? Избранные лекции. Киев, 2004. С. 2.
5. Горелова Л.Е. Медицина Московского государства // Русский медицинский журнал. 2000. Т. 8. № 7. С. 784–785.
6. Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. С греческим и латинским текстами // ЧОИДР. 1882. Кн. 4.
7. Кабанова М.А. История церковного права России (до XVIII в.) // Право: вопросы истории и теории. Сб. науч. тр. аспирантов и студентов. Владимир, 1997.
8. Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. М.: РОССПЭН, 1996. С. 159.
9. Мирский М.Б. Приказная медицина здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2005. № 5. С. 53–55.
10. Сальников В.П. Стеценко С.Г. Юридическая регламентация медицинской деятельности в России: история и современность // Медицинское право и этика. 2003. № 2.
11. Самищенко С.С. Судебная медицина: Учебник для юридических вузов. Гл. 2 // ОСР Палек, 1998.
12. Свод Законов Российской Империи. Т. XIII (неофициальное издание). СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1913. [Электронный ресурс] URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/220>.
13. Стеценко С.Г. Юридическая регламентация медицинской деятельности в России: Исторический и теоретико-правовой анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2002.
14. Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 24.

Борьба с нарушениями трудовой дисциплины в удмуртских «крупхозах»: советское прошлое и настоящее

*Никитина Галина Аркадьевна,
ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор исторических наук, профессор
nikitina@udni.ru*

На базе полевых материалов и архивных данных проведен анализ методов и ресурсов борьбы руководителей советских колхозов и глав современных «крупхозов» с нарушениями трудовой дисциплины.

Ключевые слова: «крупхозы», колхозы, наказание «рублем», апелляция к правоохранительным органам, постоянная комиссия по социалистической законности и охране общественного порядка.

Struggle against Labor Discipline Violations in Udmurt Sizeable Enterprises: The Soviet Past and the Present

*Nikitina Galina A.,
Leading Research Scientist of the Historical Research Department
of the Udmurt Institute of History, Language and Literature
at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of History, Professor*

The analysis of counteraction methods and resources in labour discipline's infringement undertaken by the soviet kolkhozes' chiefs and modern «krupkhozes» heads was held on basis of the field work and archives data.

Key words: «*krupkhoz*», *kolkhozes*, *pecuniary penalty*, *appeal to the law-enforcement establishments*, *standing commission on socialistic legality and control of discipline*.

Разрабатываемая автором проблема, связанная с анализом ресурсов, а также частных и корпоративных практик адаптации сельских удмуртов к социальным трансформациям, актуализировала, среди прочих вопросов, проблему борьбы с нарушениями трудовой и общественной дисциплины в современных «крупхозах»¹.

Как известно, в советское время с подобными нарушениями боролись местные партийные, профсоюзные и даже комсомольские организации, правления колхозов, советы бригад и т.д. Более того, в 1961 году появился специальный общественный орган — товарищеский суд, работа которого заключалась «в предупреждении правонарушений и проступков, наносящих вред обществу, воспитании методом убеждения и общественного воздействия». Это был выборный орган, члены которого избирались сроком на 2 года из наиболее уважаемых, авторитетных граждан. Суды рассматривали дела о нарушениях трудовой дисциплины, некачественном выполнении работ, незначительных преступлениях, совершенных впервые и не представлявших большой общественной опасности. К их компетенции относились также «мелкое хулиганство, мелкая спекуляция, распитие спиртных напитков на улицах, во дворах, парках и других общественных местах; имущественные споры между гражданами до 50 руб. Товарищеские суды могли обязать нарушителей принести публичное извинение, объявить предупреждение, общественное порицание либо выговор, наложить денежный штраф и т.д. Суд мог поставить вопрос о переводе нарушителя трудовой дисциплины на нижеоплачиваемую работу. Если же члены товарищеского суда приходили к убеждению о необходимости привлечь правонарушителя к уголовной или административной ответственности, они принимали решение о передаче материалов в соответствующие органы»².

Анализ видов и ресурсов борьбы с нарушениями трудовой дисциплины в современ-

ных «крупхозах» и советских колхозах автором проведен на базе полевых эмпирических и архивных материалов, собранных в Игринском районе Удмуртской Республики. Объектами специального внимания выбраны два колхоза — «Рассвет» и «Россия», правопреемниками которых в постсоветский период стали одноименные СПК, к сожалению, обанкроченные недобросовестными руководителями. В настоящее время хозяйства функционируют в статусе ООО.

В советские годы названные колхозы были одними из самых сильных в районе, а «Рассвет» и вовсе был миллионером. С уходом крепких, авторитетных руководителей в постсоветский период хозяйства постепенно слабели, беднели. Так, в «Родине» за короткий период успели «поруководить» как минимум 3 человека, и все — со стороны. По словам одной из собеседниц, хозяйство было доведено «до плачевного состояния»: фермы заброшены, окна без стекол, крыши прохудившиеся, техники как таковой нет, нет и работы. В 2010 году хозяйство возглавил свой, местный, В.А. Лекомцев, с которым сельчане связывают свои надежды на лучшее будущее. И этому, похоже, есть основания: «Два здания молочно-товарной фермы радуют глаз ухоженностью, новыми крышами, постепенно приобретает современная техника. Регулярно стала выплачиваться заработная плата. Она пока не очень высокая, но рабочие знают, что они не будут ждать ее месяцами»³.

В д. Сеп удалось пообщаться с самим главой ООО. На вопрос, с какими проблемами столкнулся директор, возглавив хозяйство, он ответил: «Все было разрушено, никаких вложений — с советского времени, эксплуатировали то, что построено в прошлом... СПК «Родина» обанкротили, параллельно создали ООО «Сеп», перевели остатки имущества в него. Кстати, ООО все еще проходит процедуру банкротства. Очень тяжело было начинать, но еще тяжелее — наблюдать за растаскиванием последних остатков колхозного добра. Нетелей и коров резали, сдавали на мясокомбинат, а деньги — себе в карман. Самое грустное, что обанкротить хозяйство по-

¹ Под «крупхозами» понимаются современные крупные хозяйствующие субъекты в лице СПК, ООО, ЗАО, ОАО и др. Термин в научный оборот введен известным английским ученым-крестьяноведом Т. Шаниным.

² Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1977. Т. 26. С. 20.

³ Полевые материалы автора (далее — ПМА): 2013 г., д. Сеп, Н.В. Лекомцева — работница Сепского ДК.

мог бывший глава района. Значит, что-то от этого получил.

Сейчас потихоньку приходим в себя: технику обновили, благодаря лизингу, кредит брали; 2 новых комбайна приобрели. Поголовье коров довели до 347, к сожалению, коровы не элитные. Рабочих рук даже излишек, можно спокойно обойтись 60 чел., а их у меня сегодня более 90 чел.

— Почему не сокращаете лишних?

— Не могу: я — местный, меня все знают, у всех знаю. Сокращу мужчин, жены будут проклинать меня, у них же дети, их кормить, обучать, учить надо. Мужчины от безысходности могут удариться в пьянство или воровать начнут. А мне ни то ни другое не нужно. Вот на ферме мы восстановили так называемый «роддом», где телята появляются. Там работали три женщины, одну сократили. Она очень обиделась, плакала, пришлось сказать: «Продолжайте работать втроем».

— Пьющих много в хозяйстве?

— Единицы, но вот один из трактористов уже три недели в запое. Выгонять я его не буду. В трезвом состоянии он отличный работник, за техникой своей никто, как он, не следит. В страду будет пахать и днем и ночью.

— И наказывать его никак не будете?

— Он сам себя уже наказал: за прогулянные дни не получит ни копейки.

— А как у вас ситуация с воровством?

— На первых порах несли все, что могли. Всех собрал, четко и внятно сказал: «Кражу, обман и пьянку не прощу». Дежурство на зернотоке, ферме установили. Сам постоянно контролировал, даже на дежурство выходил. Поймали один раз местного (он не работает в колхозе) с тремя мешками зерна на тачке. Сразу вызвали из Игры милицию. Был суд, прокурор вынес вердикт: отработать 150 часов в пользу хозяйства. Недавно поймали троих молодых игринцев, приехали в гараж, хотели украсть металлолом. Сторож их поймал. Суд будет скоро.

— Недовольные вами есть?

— Конечно, есть. Может, строгость, требовательность моя не нравится. Я мужикам всем говорю: «Не умеете пить, нечего устраивать праздники». За прогулы по причине пьянства могу не только урезать зарплату, но и лишиться премиальных⁴.

Любопытная информация была получена и от главы МО «Сепское» П.А. Перевощи-

⁴ ПМА: 2014 г., д. Сеп, В.А. Лекомцев.

кова: «В нашем МО числится 7 селений, правда, в двух из них никто уже не живет. Пьющих немного, но есть. Запой бывают у 2–3 семей, одна из них — молодая семья. Запьют, уже не до детей. Есть несколько пьющих женщин, в основном тоже молодые. Культуры никакой: где выпили, там же и бутылку, окурки бросили. Меня это особенно злит, мы стараемся держать улицы в чистоте, в 2013 году за оформление деревень, содержание улиц и дворов выиграли 700 тыс. руб., а тут женщины мусорят...»⁵

По словам директора ООО «Родина», у него на ферме «две женщины, не местные, замуж в Сеп вышли, тоже курят, а в это же время трое мужчин бросили курить. Вот подумываю, может, им немного премиальных выписать, в пример другим».

Подобную историю с банкротством прошли и труженики ООО «Рассвет», но с появлением нового руководителя, Сергея Анатольевича Балобанова, хозяйство медленно, но верно стало «подниматься с колен». Люди в него поверили, почувствовали в нем крепкого, надежного и сильного руководителя. К тому же Сергей Анатольевич, будучи русским, владеет удмуртским языком, общается с рабочими на их языке, что в глазах последних — это еще один его плюс. Знание удмуртского языка в данном случае — культурный капитал С.А. Балобанова. А о том, что он владеет не только этим видом капитала, свидетельствует весьма красноречивый факт: по итогам работы в 2013 году по показателям молочной продуктивности коров коллектив Лонки-Ворцынской МТФ занял 2-е место в республике. А оператор машинного доения коров И.Г. Волкова заняла 1-е место в республике, получив наивысшие показатели прироста валового производства молока⁶.

Можно смело сказать, что оба руководителя в сложившейся ситуации сыграли роль «кризисменов» по спасению хозяйств от окончательного развала, и надо полагать, что им в этом помогли все их ресурсы: профессиональные, личностные, культурные, возрастные и др.

С директором ООО «Рассвет» встреча не состоялась по причине его болезни, но неплохая информация была получена от главы МО «Лонки-Ворцынское» Н.Ф. Емельянова: «В Лонки-Ворцах много пришедших

⁵ ПМА: 2014 г., д. Сеп, П.А. Перевощииков.

⁶ Известия Удмуртской Республики (Раздел «Документы»). 2014. № 23. 28 февр.

людей, они не гнушаются воровством, живут сами по себе. Много пьяниц. Я встречаюсь с ними, разговариваю, пытаюсь убедить, что нельзя так жить, но, похоже, их уже не исправить. Есть многодетные семьи, напьются, детей своих избивают, тут уж приходится звонить участковому. К сожалению, много злоупотребляющих спиртным и среди местных, в том числе — женщин. Вот взять З. Тугбаеву, у нее дом полностью сгорел, и все — по пьяни. Есть еще одна любительница выпить — О. Поздеева. Бочкарева с мужем тоже пьянствуют. Селиверстова Г. родила ребенка и в пьяном виде во сне задавила его. Сейчас сотрудники отдела опеки оформляют документы о лишении ее материнства: у нее еще мальчик растет. Наш председатель Сергей Анатольевич много не говорит. В кого верит, отправляет в Ижевск на кодирование. В д. Порвай один чуть до конца не дошел от пьянки. Балобанов дал ему деньги, машину и отправил со словами: «Бросишь пить — деньги обратно не попрошу, сорвешься — тогда не обессудь». Закодировался, уже более трех лет прошло, стал уважаемым человеком, комбайнером. Не пьет. Есть и такие, что сами подходят: «Хотим закодироваться». За прогулы Балобанов всех наказывает рублем. На первых порах на работу явиться в пьяном виде считалось чуть ли не в порядке вещей, теперь — нет. А как воровали — ужас! Зерно, горючее, подсыпку с фермы, сено, солому — с полей. Установили дежурство, я сам на первых порах ходил проверять. Отдали тут одного приезжего за кражу горючего под суд, другого, местного, — за подсыпку с фермы. Поутихли. Недавно электроинструмент потерялся, Балобанов сказал, что сварщика накажет, зарплаты или премиальных лишит»⁷.

Как видим, оба руководителя вершат «суд» в своих хозяйствах практически единолично, прибегая чаще всего к наказанию «рублем»; лишь чужаков, покушающихся на добро ООО, отдают в руки районного правосудия. Этому, пожалуй, не стоит удивляться, поскольку сам факт хозяйствования в статусе ООО достаточно красноречив. ООО, «если быть честным, это способ приватизации, переходная форма от коллективной собственности к частной; в ООО все движимое и недвижимое имущество принадлежит директорам на правах частной собственности, кро-

ме, конечно, земли»⁸. В данном случае можно понять обоих руководителей: хозяйства они получили практически «обескровленные», но теперь, поднимая их «с колен», они должны уметь считать деньги, чтобы сохранить то, что осталось от хозяйств-банкротов, и тем более то, что приобретено, получено, куплено при них. Подобную тактику борьбы с правонарушениями можно объяснить и тем, что современный сельский социум живет своими проблемами. Каждое дворохозяйство — само за себя, да и общественное мнение практически перестало играть роль регулятора соционормативной культуры в деревне. Не случайно руководитель СПК «Родина» Граховского района на вопрос, больше ли пьют современные селяне, ответил: «Может, пьют столько же, сколько и в колхозах. Просто у людей стыда, совести, страха не стало. Раньше выпивший колхозник не шел на улицу, боялся, а теперь всем хочется себя показать: никого не боюсь, никто мне не судья. К тому же пьянство помолодело: молодежь рано, чуть не со школы, приобщается к спиртному, начинают, конечно, с пива. И еще одно зло в деревне появилось: пить стали женщины»⁹.

Чтобы понять, какими ресурсами борьбы с нарушениями трудовой дисциплины обладали колхозы, обратимся к материалам архивного отдела МО «Игринский район». Из первых же документов стало ясно, что при Игринском сельсовете с 1973 года функционировало несколько постоянных комиссий, из которых комиссия по социалистической законности и охране общественного порядка держала в поле своего внимания деятельность товарищеских судов при колхозах. Отдельные, преимущественно косвенные, упоминания о товарищеских судах встречаются также в делах комиссий по культурно-бытовым вопросам и по сельскому хозяйству и охране природы¹⁰. В просмотренных делах информации о колхозе «Родина» не оказалось (полагаю, что она осталась в других, не выписанных мной, делах), в связи с чем архивисты пошутили: «У нас в районе в числе

⁷ ПМА: 2014 г., д. Порвай, Н.Ф. Емельянов.

⁸ ПМА: 2004 г., п. Игра. Корепанов П.Г., бывший начальник управления сельского хозяйства Игринского района.

⁹ ПМА: 2006 г., Граховский район, д. Верхняя Игра, М.А. Крестьянинов, председатель СПК «Родина».

¹⁰ Архивный отдел МО «Игринский район». Ф. 32. Оп. 1. Д. 169, 121, 167, 168, 100, 119.

сильных хозяйств были «Россия», «Родина», «Рассвет». Они и соревновались друг с другом, и недостатки, и проблемы имели одинаковые».

Из документов комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка можно понять, что ее члены составляли ежегодные планы работы, а на их основе — ежеквартальные, о выполнении которых председатель отчитывался перед исполкомом райсовета или составлял письменные справки, развернутые отчеты о проделанной работе. К примеру, в отчете о проверке работы товарищеского суда колхоза «Россия», заслушанном на заседании исполкома Игринского сельсовета, было отмечено, что «товарищеский суд колхоза работает недостаточно эффективно. В 1970 году было рассмотрено 8 дел, в 1971 году — всего 2. Между тем нарушения трудовой дисциплины и общественного порядка на почве пьянки остаются на высоком уровне. Поступившие дела рассматриваются несвоевременно. Члены суда слабо ведут разъяснительную работу среди населения по борьбе с нарушителями трудовой дисциплины и общественного порядка. Предложено: своевременно рассматривать поступающие дела; больше проявлять инициативы; вести учет неблагополучных людей и систематически им разъяснять, чтобы не нарушали общественный порядок; проводить профилактическую работу среди населения»¹¹.

В справке от 12 октября 1971 года «О торговле спиртными напитками в Лонки-Ворцынском магазине» зафиксировано, что «в течение недели наблюдались порядки торговли, случаев нарушений нет. Водка и вино на разлив не отпускаются, а продаются лишь на вынос после 10.00 утра. Замечены случаи приема винной посуды от несовершеннолетних учащихся. Дано замечание, чтобы впредь посуда от несовершеннолетних не принималась»¹².

Невозможно было не обратить внимание на справку комиссии, составленную по следам проверки откормочного совхоза «Игринский». На предприятии было выявлено большое количество нарушений трудовой дисциплины, техники безопасности, фактическое бездействие товарищеского суда, в связи с чем вопрос был рассмотрен на заседании депутатов трудящихся Игринского района. В решении заседания после констата-

ции отдельных позитивных фактов в работе совхоза отмечены его упущения и недоработки: «На почве пьянки и без уважительной причины за 11 месяцев 1971 г. допущено 688 прогулов. Имеют место пьянки в рабочее время со стороны бригадира Телегуртской бригады П.Е. Корепанова, механика Бачкевского отделения В.А. Перевошикова, который снят с работы. Снят с работы и бригадир Годекшурской бригады В.С. Волгин.

За нарушение трудовой и производственной дисциплины наказаны и лишены премиальной оплаты от 25 до 50% человек.

Товарищеские суды отделений бездействуют. Стенная печать, крокодилограмма недостаточно бичевали нерадивых и не оказывали достаточной помощи.

Вследствие слабой организации труда взятые обязательства по производству и продаже мяса выполнены на 80,3%, средний урожай зерновых составил лишь 7,5 ц при обязательстве 8,5 ц». В решении заседания предложено устранить все недоработки, «принять решительные меры по сохранности скота, виновных за падеж животных привлекать к строгой ответственности; заслушивать отчеты руководителей и специалистов отделений бригад по дисциплине труда; нарушителей трудовой и производственной дисциплины не оставлять без обсуждения и публиковать в стенной печати; оживить работу товарищеского суда; потребовать от работников культурно-просветительских учреждений ответственности за состояние массово-политической и воспитательной работы среди рабочих»¹³.

В планах работы комиссии на 1972 год, помимо всего прочего, значились пункты: «Проверить состояние трудовой дисциплины колхозников 1-й бригады колхоза «Рассвет» и заслушать на комиссии бригадира П.Е. Корепанова». Председатель комиссии В.В. Тронин вел проверку трудовой дисциплины колхозников 1-й бригады в течение первой половины марта и, судя по отчету, выявил следующее: «Преобладающая часть колхозников добросовестно относится к своей работе и не допускает прогулов без уважительной причины. Однако пока не изжиты полностью нарушения дисциплины по понедельникам: среди отдельных колхозников-мужчин допускаются прогулы». В протоколе заседания комиссии по рассмотренному вопросу прописано:

¹¹ Там же. Д. 121. Л. 3–3об.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 7–7об.

«Не допускать случаев нарушения трудовой дисциплины колхозниками 1-й бригады колхоза «Рассвет»; к нарушителям применить меры морального и материального воздействия»¹⁴.

В 1972 году во всех населенных пунктах колхоза «Рассвет» были проведены беседы по разъяснению Указа Президиума ВС РСФСР от 19 июня 1972 г. «О борьбе с пьянством и алкоголизмом»: «охвачено всего 163 человека, колхозники с данным Указом в большинстве ознакомлены»¹⁵.

В одном из отчетов комиссии за 1974 года читаем: «За отчетный период подготовлены вопросы на рассмотрение на заседании исполкома «О состоянии охраны труда и техники безопасности в колхозе «Рассвет», «О состоянии и мерах по улучшению гражданской обороны в колхозе «Рассвет», «О работе товарищеского суда Бачкеевского отделения совхоза «Игринский». Проверили ряд магазинов о выполнении постановления о торговле спиртными напитками, состояние хранения семенного картофеля в колхозе «Рассвет». Раз-

работали мероприятия по профилактике правонарушений, укреплению соцзаконности и общественного порядка»¹⁶. В отчете о выполнении плана за I квартал 1975 года есть информация о проверке состояния охраны техники в гараже колхоза «Рассвет»: «Предложено установить на территории гаража колхоза «Рассвет» освещение и дежурство»¹⁷.

Резюмируя рассмотренное выше, можно констатировать, что директора «крупных» относительно ресурсов борьбы с нарушениями трудовой дисциплины проигрывают перед председателями вчерашних колхозов. Рядом с последними за трудовую дисциплину отвечали товарищеские суды, члены правления, советы бригад, партийная, профсоюзная, комсомольская организации, различные комиссии при райсовете. Глав современных ООО сложившаяся ситуация, похоже, не удручает: они знают, что чуть ли не единолично отвечают как за успехи и достижения, так и за провалы, упущения в сфере трудовой дисциплины и общественного порядка.

¹⁴ Там же. Л. 9–10.

¹⁵ Там же. Л. 20.

¹⁶ Там же. Д. 169. Л. 11.

¹⁷ Там же. Л. 23.

Особенности правового регулирования труда в СССР в период 1930–1940-х годов

*Дубровин Юрий Дмитриевич,
доцент Московского государственного института культуры,
кандидат юридических наук
uridubr@yandex.ru*

В работе в исторической перспективе рассмотрены проблемы правового регулирования труда в СССР в период 1930–1940-х годов. Показано, что исследуемый в статье нормативно-правовой материал в сфере трудового права демонстрирует, что в советском государстве, оказавшемся в указанные годы в чрезвычайном положении, только и мог формироваться механизм чрезвычайного трудового законодательства.

Ключевые слова: трудовое право, конституционные нормы, присяжные заседатели, правовое регулирование, уголовно-процессуальное право.

Characteristics of Legal Regulation of Labor in the USSR during the 1930s – 1940s

*Dubrovin Yuriy D.,
Assistant Professor of the Moscow State Institute of Culture,
Candidate of Legal Sciences*

In this paper a historical perspective the problems of legal regulation of labor in the USSR during the 1930th–1940th. It is shown that the investigated in the article of the legal material in the field of labor

law shows that in the Soviet Union, who are in those years in a state of emergency, could only be formed mechanism of emergency labor legislation.

Key words: labor law, constitutional norms, jurors, legal regulation, criminal procedural law.

История всегда актуальна, поскольку она несет в себе знания прошлых лет, которые помогают нам сравнить прошлое с настоящим и делать соответствующие выводы. Рассмотрение особенностей правового регулирования труда в СССР в период 1930–1940-х годов актуально уже потому, что правительство, страна, народ жили в ожидании большой войны, а затем в наступившей военной страде. Поэтому интересно исследовать формирование механизма трудового законодательства того времени. Несомненно, что эти изменения руководство ВКП(б) проводило с прицелом на возможное военное столкновение с нацистской Германией.

Еще 15 ноября 1932 года было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «Об увольнении за прогул без уважительных причин»¹. Работник, допустивший опоздание на работу без уважительных причин или преждевременный уход с работы, подвергался администрацией взысканию: замечанию, или выговору, или выговору с предупреждением об увольнении; переводу на другую, нижеоплачиваемую работу на срок до 3 месяцев или смещению на низшую должность.

Работник, допустивший три таких нарушения в течение одного месяца или четыре нарушения в течение двух месяцев подряд, подлежал увольнению. Увольнение было связано с лишением продовольственных и промтоварных карточек, а также с лишением права пользования ведомственным жильем.

Нарушение работниками трудовой дисциплины отражалось на их руководителях. Им вменялось в вину уклонение от проведения мер по укреплению трудовой дисциплины и непринятие мер против нарушителей. Такие руководители привлекались вышестоящими органами к ответственности вплоть до снятия с работы и предания суду. Практически налицо имело место объективное вменение.

Ужесточение трудового законодательства должны были решать задачи повышения эффективности производства, трудовой отдачи, сокращения нарушений трудовой дисципли-

ны. Правовым обоснованием данных задач являлись постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г.²

В 1938 году вводятся единые трудовые книжки³, в которые вносились такие сведения о владельце: фамилия, имя и отчество, возраст, образование, профессия и сведения о его работе, о переходе его из одного предприятия (учреждения) в другое, о причинах такого перехода, а также о полученных им поощрениях и награждениях. Рабочие и служащие, поступающие на работу, обязаны предъявлять администрации предприятия (учреждения) трудовую книжку. Администрация могла принимать на работу рабочих и служащих только при предъявлении трудовой книжки. Таким образом, граждане лишались свободы трудоустройства и попадали практически в полную зависимость от администрации предприятия (учреждения). Наличие трудовых книжек отрицательно сказалось и на развитии советской экономики, поскольку пресекало свободный перелив рабочей силы внутри страны.

Поскольку, видимо, Постановление ЦИК и СНК СССР 15 ноября 1932 года не дало желаемых результатов, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 26 июня 1940 года⁴ ужесточил ответственность за «прогул без уважительной причины».

Во-первых, увеличилась продолжительность рабочего дня во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях. Ужесточение коснулось и работников, достигших 16 лет. Для них сокра-

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР «Об увольнении за прогул без уважительных причин» // Собрание законодательства СССР. 1932. № 78. Ст. 475.

² Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» // СП СССР. 1939. № 1. Ст. 1.

³ Постановление СНК СССР от 20 февраля 1938 г. № 1320 «О введении Трудовых книжек» // СП СССР. 1938. № 58. Ст. 329.

⁴ Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости ВС СССР. 1940. № 20.

шалось число праздничных дней, устанавливался полный рабочий день.

Запрещался самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое. Такой переход мог осуществляться только с согласия директора предприятия или начальника учреждения. Кстати, данное положение сохранялось до конца существования советского государства.

За прогул без уважительной причины работникам по приговору народного суда назначалось наказание в виде исправительно-трудовых работ по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%.

Более того, работники, самовольно покинувшие свое место работы, по приговору народного суда подвергались тюремному заключению сроком от 2 до 4 месяцев.

В связи с этим отменялось даже обязательное увольнение за прогул без уважительных причин. Понимая, что Указ может вызвать у населения негативную реакцию, Пленум Верховного Суда СССР оправдывал принятие Указа представлением Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС).

Три недели спустя, 17 июля, ПВС СССР, сославшись, как всегда, на «многочисленные просьбы трудящихся», принял Указ, который распространил действие Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 года о запрещении самовольного ухода с работы на трактористов и комбайнеров, работавших в машинно-тракторных станциях⁵. Кстати, о важности указанного нормативно-правового акта свидетельствует тот факт, что он был даже утвержден соответствующим законом⁶.

⁵ Указ ПВС СССР «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях», распространивший действие Указа от 26 июня 1940 года и на эти категории трудящихся // Ведомости ВС СССР. 1940. № 25. 30 июля.

⁶ Закон СССР от 7 августа 1940 г. «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 28. С. 1. 7 августа 1940 года оба этих указа были утверждены 7-й сессией Верховного Со-

вета СССР первого созыва // Ведомости ВС СССР. 1940. № 28. 30 июля. С. 2.

вета СССР первого созыва // Ведомости ВС СССР. 1940. № 28. 30 июля. С. 2.

Дела о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений должны были рассматриваться народными судьями единолично, без участия народных заседателей⁷.

Согласно приказу наркома юстиции СССР и прокурора Союза ССР № 84/133 от 22 июля 1940 года, рабочих и служащих, допустивших опоздание без уважительных причин более чем на 20 минут после обеденного перерыва или самовольный уход с работы ранее чем за 20 минут до обеденного перерыва или окончания рабочего дня, также следовало привлекать к судебной ответственности, как за прогул, по части 2 ст. 5 Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 года⁸.

Таким образом, за прогул и приравненное к нему опоздание более чем на 20 минут полагалось до шести месяцев исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием до 25% заработка. То есть работники несли два наказания: трудовую повинность и денежный штраф, что уменьшало и так не очень высокие заработки рабочих и служащих.

В случае повторного прогула при неотбытом до конца наказании за предыдущий прогул неотбытый срок исправительно-трудовых работ заменялся тюремным заключением на тот же срок⁹.

Всего до начала Великой Отечественной войны по Указу от 26 июня 1940 года было осуждено свыше 3 млн человек, из них 16% — за самовольную смену места работы¹⁰. Некоторые современные исследователи считают, что таким образом, не затрагивая интересов добросовестных работников, Указ от 26 июня 1940 года позволил «приструнить лодырей

вета СССР первого созыва // Ведомости ВС СССР. 1940. № 28. 30 июля. С. 2.

⁷ Указ ПВС СССР «О рассмотрении народными судьями дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей» // Ведомости ВС СССР. 1940. № 28. 30 июля. С. 2.

⁸ Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 15 ноября 1940 г. Официальный текст с приложением по статьям систематизированных материалов. М., 1941. С. 118.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 июля 1940 г. № 25/14/у «Об ответственности за уклонение от отбывания исправительно-трудовых работ, назначенных приговором суда за прогул без уважительных причин».

¹⁰ ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 17.

и бездельников» (?!), чем якобы способствовал повышению трудовой дисциплины накануне войны»¹¹.

Трудно согласиться и с утверждением, что вышеназванные указы явились кульминацией десятилетней борьбы между советским режимом и промышленным рабочим классом¹². В соответствии с Конституцией СССР 1936 года (ст. 1) советских трудящихся вряд ли можно было назвать рабочим классом, то есть пролетариатом, тем более что жили они не в буржуазном, а в рабоче-крестьянском государстве и являлись сособственниками общественной (социалистической) собственности.

Для оправдания ужесточения трудового режима были привлечены прокуратура, Верховный Суд, профсоюзы, СМИ, которые выступили с разъяснениями, как применять Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 года¹³.

Вместе с тем руководство СССР понимало, что для оправдания ужесточения новой советской дисциплины труда необходимо применять не только палку, но и правовой пряник. Поэтому в указанный период советское законодательство предусмотрело поощрения в отношении добросовестных работников. 23 июня 1931 года ЦИК СССР и СНК СССР приняли решение об установлении рабочим — членам профсоюза пособия по временной нетрудоспособности¹⁴. Устанавливались нормы страхового обеспечения по болезни в зависимости от стажа работы на предприятии.

Кроме того, в декабре 1938 года были утверждены Положения о присвоении высшего трудового отличия — звания Героя Социалистического Труда и о награждении медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть».

Но менее чем через год после принятия вышеприведенных указов началась война, которая справедливо получила название Великой Отечественной, и не столько за победы, добытые народами СССР, сколько за милли-

онные потери, которыми пришлось оплатить эти победы, как на полях сражений, так и на трудовом фронте.

И хотя в своем выступлении 22 июня 1941 года В.М. Молотов от имени правительства СССР выразил надежду, что все трудящиеся отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду, чтобы обеспечить все нужды Вооруженных Сил СССР во имя победы над врагом, тем не менее начавшаяся война привела к новому витку ужесточения законодательства о труде.

Принуждение являлось одной из составляющих внешней мотивации труда в стране¹⁵. Вводились две формы принуждения к труду: трудовая повинность и трудовая мобилизация. Трудовая повинность заключалась, как правило, в установлении конкретного срока и конкретной деятельности.

Например, в соответствии с Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 года¹⁶ и Постановлением СНК СССР от 10 августа 1942 года¹⁷ допускалось применение в особо установленном порядке и на срок до двух месяцев трудовой повинности для выполнения различных оборонных работ, заготовки топлива, охраны важнейших объектов и др.

Самовольный уход с работы приравнивался к дезертирству и наказывался лишением свободы на срок от 5 до 8 лет. Причем такие дела были отнесены к компетенции трибуналов.

Трудовой мобилизации подлежали трудоспособные граждане, не работавшие в государственных учреждениях и предприятиях. Например, ПВС СССР от 13 февраля 1942 года¹⁸ признал необходимым осуществить на пе-

¹¹ Пыхалов И.В. Великий обоганный Вождь. Ложь и правда о Сталине. Срок за опоздание — миф или реальность? Категория: Электронная библиотека. Создано 23.01.2011.

¹² Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 309.

¹³ Пыхалов И.В. Там же.

¹⁴ Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 июня 1931 г. «О социальном страховании» // СЗ СССР. 1931. № 41. Ст. 283.

¹⁵ Сомов В.А. Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2. С. 163–174.

¹⁶ Указ ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.

¹⁷ Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 г. № 1353 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время». Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1943.

¹⁸ Указ ПВС СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве».

риод военного времени мобилизацию трудоспособного городского населения для работы по месту жительства. Уклонение от мобилизации влекло за собой уголовную ответственность в виде принудительных работ по месту жительства на срок до 1 года.

И последнее. С началом военных действий общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны существенно сократилась — с 31,8 млн человек в первом полугодии 1941 года до 22,8 млн человек во втором полугодии. К началу 1942 года она составила уже немногим более 18 млн человек¹⁹.

Естественно, что трудовые резервы нуждались в пополнении. И пополнялись они не только за счет женщин, пенсионеров, невоеннообязанных, несовершеннолетних, а также заключенных исправительно-трудовых колоний. С началом войны в принудительный трудовой процесс была включена новая категория населения — так называемые «спецпереселенцы», то есть депортированные, из которых формировались «рабочие колонны», они же «трудовые колонны», они же «трудовая армия»²⁰. Особенностью этой категории трудовых резервов было то, что они формировались из различных этносов различных регионов СССР (немцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков, крымских татар, армян, болгар, турок и др.) насильно и без наличия какой-либо конкретной вины перед государством и обществом.

Правовым основанием их переселения на восток страны и включение в «трудовые колонны» были указы ПВС СССР, постановления СНК СССР, Постановления ГОКО, директивы НКВД СССР. Например, депортация немцев началась с Указа ПВС СССР № 21/160 от 28.08.1941 г. «О переселении всего немец-

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 64.

¹⁹ См.: Серегина А.В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны // Журнал российского права, 2010. № 8. С. 1; Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 65; Тонгузов В.А. Советское государство и право в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы (1941–1964 гг.). СПб., 2008. С. 23.

²⁰ Гончаров Г.А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзорение / под ред. А.И. Бородкина. Вып. 7. М., 2001. С. 154–162.

кого населения, проживающего в районах Поволжья»²¹.

Число «спецпереселенцев» измерялось сотнями тысяч человек. Например, немцев — советских граждан, направленных на спецпоселение, насчитывалось почти 1 миллион человек²².

И если на советских граждан, привлеченных к трудовой повинности и трудовой мобилизации, распространялось советское трудовое законодательство, то для «спецпереселенцев» законом были приказы руководителей спецпоселений.

Конечно, небольшой объем данной статьи не позволяет дать полную картину проблемы правового регулирования трудовой деятельности в советском обществе 1930–1940-х годов. Тем не менее исследуемый в статье нормативно-правовой материал в сфере трудового права показывает, что в советском государстве, оказавшемся в указанные годы в чрезвычайном положении, только и мог формироваться механизм чрезвычайного трудового законодательства.

Литература

1. Закон СССР от 7 августа 1940 г. «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 28. С. 1.
2. Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 15 ноября 1940 г. Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1941. С. 118.
3. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости ВС СССР. 1940. № 20.
4. Указ ПВС СССР «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях», распространивший действие Указа от 26 июня 1940 года и на эти категории трудящихся. Ведомости ВС СССР. 30.07.1940. № 25.

²¹ Вашкау Н.Э. Немцы в России: история и судьба. Волгоград: ВГУ, 1994. С. 68.

²² Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социс. 1990. № 11. С. 8.

5. Указ ПВС СССР «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей» // Ведомости ВС СССР. 30.07.1940. № 28. С. 2.
6. Указ ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.
7. Указ ПВС СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 3-х томах. Т. 3. М., 1968. С. 64.
8. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об увольнении за прогул без уважительных причин» // СЗ СССР. 1932. № 78. Ст. 475.
9. Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 июня 1931 г. «О социальном страховании» // СЗ СССР. 1931. № 41. Ст. 283.
10. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» // ПС СССР. 1939. № 1. Ст. 1.
11. Постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. № 1320 «О введении Трудовых книжек» // СП СССР. 1938. № 58. Ст. 329.
12. Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 г. № 1353 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1943.
13. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 июля 1940 г. № 25/14/у «Об ответственности за уклонение от отбывания исправительно-трудовых работ, назначенных приговором суда за прогул без уважительных причин».
14. Вашкау Н.Э. Немцы в России: история и судьба. Волгоград: ВГУ, 1994.
15. Гончаров Г.А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обозрение / под ред. А.И. Бородкина. Вып. 7. М., 2001. С. 154–162.
16. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1.
17. Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социс. 1990. № 11.
18. Пыхалов И.В. Великий оболганный Вождь. Ложь и правда о Сталине. Срок за опоздание — миф или реальность? Категория: Электронная библиотека. Создано 23.01.2011.
19. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998.
20. Сомов В.А. Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2.
21. См.: Серегина Л.В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны // Журнал российского права. 2010.
22. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.
23. Тонгузов В.А. Советское государство и право в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы (1941–1964 гг.). СПб., 2008.

Становление и развитие сети детских учреждений в Курской губернии в 20-е годы XX века как одно из средств борьбы с детской беспризорностью

*Шахова Елена Сергеевна,
доцент кафедры трудового права,
гражданского и арбитражного процесса
Юго-Западного государственного университета,
кандидат исторических наук
elena.schakhova2013@yandex.ru*

Вопросы ликвидации детской беспризорности актуальны на протяжении многих лет. Одним из направлений борьбы с данным явлением выступает развитие сети детских учреждений. Для наиболее полного анализа механизма борьбы с детской беспризорностью важно показать процесс развития сети детских учреждений в отдельно взятом регионе.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, интернаты, приюты, учреждения социального воспитания.

Formation and Development of Children's Institutions Network in Kursk Province in 1920s as one of Ways of Struggle against Children's Homelessness

*Shakhova Elena S.,
Assistant Professor of the Labor Law, Civil and Arbitration Procedure
Department at the Southwest State University,
Candidate of Historical Sciences*

The elimination of child neglect topical for many years, one of the areas of combating this phenomenon is the development of a network of childcare facilities, for the most complete analysis of the mechanism of struggle with homelessness is important to show the process of development of a network of childcare facilities in a given region.

Key words: homelessness, neglect, boarding schools, shelters, institutions of social education.

Одним из основных направлений государственной политики в области борьбы с безнадзорностью государство, как главный опекун детей, считало развитие сети детских учреждений. С первых лет советской власти сиротские дома и детские приюты были преобразованы в государственные детские учреждения.

Основной формой борьбы с безнадзорностью были детские воспитательные учреждения интернатного типа — детские дома, трудовые коммуны, школы-колонии, школы-коммуны, детские городки, готовившие своих воспитанников к трудовой и общественно полезной деятельности.

В январе 1919 года при Курском губернском отделе социального обеспечения был открыт Курский дом матери и ребенка, он имел ряд отделений [1].

В марте 1920 года Курский дом матери и ребенка был передан в ведение Курского губернского отдела здравоохранения [2].

В Курской губернии в 1921 году был организован детский дом им. Софьи Перовской [3]. В нем воспитывались дети от одного года до 4 лет. До 1928 года находился в подчинении Курского губернского отдела здравоохранения.

По архивным данным на 1 октября 1921 года, в стране было создано 7 087 детских домов, в которых содержалось 349 509 несовершеннолетних [4].

В 1921–1922 годах сеть детских учреждений несколько расширилась. Это требовало дополнительных финансовых затрат. Необходимо было повысить низкие нормы питания и улучшить тяжелые условия жизни воспитанников детских учреждений. Детские дома столкнулись с огромными трудностями. Так же как и в приемниках, в 1922 году в детских домах, по официальным данным, дети вели полуголодное существование. Не хватало помещений, вместе с тем «лучшие здания

в городах, часто бывших школьных помещений и помещений детучреждений, были заняты различными бесчисленными организациями, канцеляриями, военными ведомствами и воинскими частями, а порой и просто частными квартирантами. С детучреждениями никто не считался, детей выталкивали из помещений на улицу» [5].

Начиная с 1923 года на местах появилась тенденция резкого сокращения численности детских учреждений, что было вызвано в первую очередь отсутствием средств. Было принято решение о переводе финансирования детских учреждений из всесоюзного бюджета на местное финансирование. На содержание детских домов в этот период расходовалось 60–80% средств из общего бюджета Губсоцвоса [6]. В 1923–1924 годах происходило сокращение численности детских домов и содержащихся в них воспитанников. При этом уменьшение численности названных учреждений было хаотическим, без какого-либо обоснования целесообразности.

В Курской губернии в 1923 году, по сообщениям губкомиссии по улучшению быта детей, по детским домам насчитывалось 6 152 человека, из них детей Поволжья — 2 500 человек, детей Поволжья, не имевших родителей, — 1 300 человек. Названная цифра, 6 152 человека, не являлась постоянной, ввиду того что дети по вызову родителей отправлялись на родину, хотя и в незначительном количестве. В частности, в Горнальском городском приемнике в городе Судже Курской губернии содержалось 280 детей, готовившихся к реэвакуации на родину и ожидавших ответа от родственников [3].

Сеть существовавших детских учреждений не в состоянии была принять всех беспризорных детей, а для открытия новых не хватало средств. Кроме того, детдома были недостаточно обеспечены самым необходимым — диетпитанием, бельем, обувью, инвентарем. Однако, несмотря на фактически плачевное положение, чиновники рапортовали об успехах.

В.А. Швейцер в докладе на Втором Всероссийском съезде социально-правовой охраны несовершеннолетних, состоявшемся 26 ноября — 1 декабря 1924 года, предложила три организационных принципа, которые «необходимо было положить в основу строительства детдомов: во-первых, детдом не мог возникнуть только в производственном окружении; во-вторых, существовавшие детдо-

ма должны были устраивать организационно оформленную связь с тем или иным производственным коллективом; в-третьих, Положение о детдоме должно было регламентировать его внутреннюю работу» [6].

На съезде было обсуждено и принято Положение о детском доме. Устанавливались два основных типа детдомов: детская трудовая коммуна для детей в возрасте до 14 лет и трудовая коммуна для подростков от 14 до 17 лет. При отсутствии условий в трудкоммунах детдома для дошкольников в возрасте от 3 до 7 лет организовывались отдельно.

В Курской губернии старались увеличивать материальную базу детских учреждений за счет уменьшения клиентуры от переростков, детей, имеющих родственников и т.д. [7].

В исследуемый период впервые был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе детей после «выхода» из детского дома, в связи с чем губуполномоченному ВЦИК по улучшению быта детей из Курской губернии была направлена просьба «провести» приказом нижеследующее: «Ввиду того, что дети детских домов по достижении предельного возраста 16 лет исключаются, желательно бы пристроить их на какие-либо работы, дабы они не оставались на улице <...> поспею Губуполномоченный Курской губернии ходатайствовал об отдаче приказа по ГИК отделу труда о предоставлении таким детям вакантных мест на работы вне очереди» [8].

В 1924 году в Курской губернии имелось 188 учреждений для морально дефективных детей, в них содержалось 5 096 детей, для умственно отсталых детей — 51, в которых было 2 013 детей, для слепых — 21, в них 809 детей, для глухонемых — 48, в которых содержалось 2 189 детей. Всего в Курской губернии насчитывалось 308 учреждений, в которых содержалось 10 107 детей. При этом реальные потребности детских учреждений были удовлетворены на 5–6% [9]. Для улучшения положения детских учреждений требовались материальные средства.

В целом из-за имевшейся тенденции уменьшения количества детских учреждений детские дома объединялись, на их основе образовывались коммуны. Так, в Курской губернии на основании приказа от 13 сентября 1924 года № 147 детские дома им. III Интернационала, им. Октябрьской революции, детский дом № 7 были переселены в здание бывшего Епархиального училища. На основании при-

каза Курского губернского отдела народного образования от 29 сентября 1924 года № 160 к ним была присоединена детская летняя колония деревни Сапогово, и образовался детский дом «Пионер-коммуна» (Пионер-городок) [10]. Находился он в ведении губернского отдела народного образования. При данном детском учреждении имелись переплетно-картонажная, пошивочная, столярная и слесарные мастерские [11]. В дальнейшем на основании приказа Курского ГубОНО от 13 февраля 1925 года № 26 к детскому дому «Пионер-коммуна» был присоединен детский дом им. Павловой. Расформирован детский дом «Пионер-коммуна» был на основании приказа Курского ГубОНО от 25 ноября 1925 года.

Тимский детский дом был образован 1 сентября 1924 года путем слияния детских приютов № 1, 2, 3. К нему 5 июня 1926 года был присоединен Щигровский детский дом. Находился Тимский детский дом в ведении Тимского УНО до мая 1924 года, затем — в ведении Щигровского УНО [12].

Детский дом «Ночлежка» был организован на основании приказа Курского ГубОНО от 13 октября 1925 года № 78. Подчинялся данный детский дом Курскому губернскому отделу образования. Реорганизован 10 февраля 1927 года в Изолятор «Пропускной пункт».

Дата организации Ивановского детского дома неизвестна. Впоследствии Ивановский детский дом был переименован в детский дом им. В.И. Ленина. Подчинялся он Льговскому губернскому отделу народного образования.

В 1925 году в Курске было расположено восемь детских домов, в которых размещались 1 007 человек. Воспитательного и обучающего персонала было всего 89. Проходила разгрузка детских домов от детей, имевших опекунов, родителей и родственников.

В 1925 году детский дом им. Павловой был предназначен для морально дефективных детей. С января — февраля данный детский дом был реорганизован в детский дом с производственным сельскохозяйственным уклоном. В данном учреждении были размещены 40 несовершеннолетних [13].

Положение в детских учреждениях в 1925 году постепенно стабилизировалось. За период с 1924 по 1925 год 15 детей были отправлены на курорт в Ялту и Алупку с целью лечения костнотуберкулезных заболеваний [13].

Отмечалось сотрудничество государственных органов Курской губернии и украинских в сфере борьбы с детской беспризорностью. Так, в 1925 году была налажена связь Деткомиссии Курской губернии с деткомиссиями других губерний, велась переписка, проходил обмен опытом [13]. На Украине, как сообщалось Волинской окружной комиссией помощи детям, общество «Друг детей» как таковое не оформилось, работали ячейки «Друзей детей», объединенные в городском масштабе Политбюро [13].

13–14 апреля 1926 года состоялось Всекрымское совещание деткомиссий и уполномоченных, на котором признавалось, что беспризорность — социальное зло, которое не смогли ликвидировать силами государства, и необходимо было привлечь общественность. Одним из новых и важнейших вопросов было проведение патронирования детей [13]. В данном совещании принимали участие представители Курской губернии.

Таким образом, подводя итог вышесказанного, отметим, что становление сети детских учреждений в Курской губернии в 1920-е годы проходило медленно. Напротив, отмечалась тенденция сокращения численности детских учреждений. Все это негативно сказывалось на материально-технической базе детских домов.

Литература

1. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 109. Л. 7.
2. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 273. Л. 10.
3. ГАКО. Ф. Р-488. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
4. ГАКО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 11. Л. 74.
5. Из доклада Комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей в Президиум ВЦИК // Дети ГУЛАГа. 1918–1956. С. 38.
6. Швейцер В.А. Очередные задачи детского дома // Социально-правовая охрана детей и подростков и детский дом. М., 1924. С. 20.
7. ГАКО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 5. Л. 134, 184.
8. Бем О. Борьба с детской беспризорностью // Народное просвещение. 1924. № 9–10.
9. ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 602. Л. 39.
10. ГАКО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 5. Л. 111.
11. ГАКО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 15. Л. 180б.
12. ГАКО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 35. Л. 2, 30б.
13. ГАКО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 32. Л. 30. Лл. 95–183, 97–97об., 120–180.

Реализация принципа свободы заключения брака военнослужащими: история и современное правовое регулирование

*Стражевич Юлия Николаевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права
Сургутского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
nushaaa@mail.ru*

*Слепко Галина Евгеньевна,
профессор кафедры гражданского права
Международного юридического института,
кандидат филологических наук, доцент
geslepko@rambler.ru*

*Конохов Максим Васильевич,
майор юстиции Военного университета Министерства обороны РФ,
кандидат юридических наук
konohov76@mail.ru*

В статье рассматриваются актуальные и практически важные вопросы свободы брака, в частности свободы заключения брака и ее реализации военнослужащими, как в исторической ретроспективе, так и в соответствии с современным семейным законодательством.

Ключевые слова: брак, семья, военнослужащий, свобода брака, правовое регулирование, Семейный кодекс Российской Федерации.

Implementation of the Principle of Marriage Freedom of Military Servants: History and Modern Legal Regulation

*Strazhevich Yulia N.,
Assistant Professor of the Civil and Labor Law Disciplines Department of the Surgut State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

*Slepko Galina E.,
Professor of the Civil Law Department at the International Law Institute,
Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor*

*Konokhov Maksim V.,
Major of Justice of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

The article deals with the actual and practice significant theme of the marriage freedom, in particular the freedom of consummation of marriage and its realization by the military both in historical retrospect and from the point of view of the modern family legislation.

Key words: marriage, family, the military, the marriage freedom, legal regulation, the Family code of the Russian Federation.

В современном обществе институт семьи, его необходимость и правовое значение подвергаются сомнению, выдвигаются различные теории об исторических видах и типах семьи, в том числе и «открытых» семьях, фактическом сожительстве и т.д. Часть современных авторов поддерживает такие теории,

часть критикует, однако, по нашему мнению, семья остается основой любого недеградирующего общества¹. В отношении же самого ин-

¹ См. Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н. Правовые проблемы фактического брака // Частное право: проблемы и тенденции развития:

ститута брака центр интересов исследователей смещен в сторону изучения особенностей правовой процедуры развода, его правовых последствий и раздела имущества супругов (бывших супругов)². Заключение же брака должное внимание не уделяется, особенно в отношении реализации и ограничения принципа свободы брака в целом и военнослужащими в частности, что и является предметом рассмотрения в настоящей статье.

Российское семейное законодательство устанавливает принцип свободы брака. Это означает, что вступление в брак основано на свободном и добровольном волеизъявлении сторон. В соответствии с п. 4 ст. 1 СК РФ запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан.

Особый правовой статус военнослужащих отражается в различных сферах жизни семьи³, что проявляется и в особенностях правового регулирования их брачно-семейных отношений на уровне различных отраслей права. Семейное законодательство в настоящее время специфику правового статуса военнору-

жащих практически не отражает. Более того, согласно п. 5 ст. 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» никто не вправе ограничивать военнослужащих в правах и свободах, гарантированных Конституцией РФ и данным Законом.

В то же время в недалеком историческом прошлом можно было наблюдать совершенно иную картину, когда право военнослужащим на заключение брака было ограничено на законодательном уровне.

Самым первым нормативным правовым актом, регулирующим брачно-семейные отношения с участием военнослужащих, принято считать изданный в период правления Петра I «Регламент об управлении адмиралтейства и верфи» (5 апреля 1722 г.). Пункт 17 «Регламента» гласил: «Запрещается гардемаринам жениться без дозволения Адмиралтейской коллегии и до достижения ими 25 лет от роду»⁴. Нашлось место правовому регулированию браков офицеров и в законодательстве императрицы Екатерины II. В п. 6 гл. 2 «Инструкции полковнику пехотного полка», изданной 8 декабря 1764 года, а затем и повторенной дословно для полковника конного полка, указывалось, что «без согласия и дозволения полковничья унтер-офицерам и прочим нижним полковым служителям жениться во всех местах, обер-офицерам только вне границ империи не дозволяется». В этой же «Инструкции» давалось указание полковнику проверять пристойность брака, а также указывались причины, по которым вводились такие ограничения: «неспособность молодых офицеров, будучи в бедности, содержать семью, а также разочарование офицеров в заключаемых в раннем возрасте браках»⁵. Дальнейшее развитие законодательства шло также по линии запрещения на вступление в брак офицерам без разрешения вышестоящего командования. Павел I и вовсе стеснил свободу офицеров на вступление в брак: всему генералитету, штаб- и обер-офицерам, принявшим намерение сочетаться законным браком, предписывается предварительно испрашивать на то высочайшее соизволение. Однако этот запрет просуществовал недолго, и право разрешения

Материалы Межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Долинская, Н.П. Заикин; Серия «Библиотека журналов «Законность», «Уголовное право», «Гражданское право». М.: АНО «Юридические программы», 2009. С. 406.

² См. напр.: Попова А.М. Сравнительно-правовой анализ института прекращения брака начала XX в. и начала XXI в. // Семейное и жилищное право. 2013. № 4. С. 12–14; Итяшева И.А., Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н. Правовые проблемы реализации конституционной обязанности родителей по воспитанию детей в случае расторжения брака // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 12: в 2 т. Т. 1. М.: Юрист, 2012. С. 847 и др.

³ См. напр.: Соловьев В.В. Правовое положение семьи военнослужащего в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Туринцева Е.А. Особенности становления и развития семьи военнослужащего в условиях закрытой социальной системы. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2011 и др.

⁴ Клокачев В.П. Брак офицеров. История развития Законоположения главнейших государств запада. История развития и современное положение вопроса в России: критический обзор. СПб., 1907. С. 45.

⁵ Клокачев В.П. Указ. соч. С. 44–45.

браков в отношении указанной категории военнослужащих было предоставлено «командующим генералам».

О том, какое внимание уделялось законодателем брачно-семейным отношениям с участием военнослужащих в дореволюционный период, красноречиво свидетельствует и факт учреждения 13 апреля 1856 года с высочайшего повеления Его Императорского Величества Комитета для обсуждения существующих правил о женитьбе офицеров. Предпосылкой к созданию данного Комитета явился доклад главнокомандующего первой армией князя Горчакова военному министру от 30 марта 1856 года об отсутствии возможности «удовлетворить крайними нуждами всех нищенских бедных вдов и семейств оставшихся офицеров»⁶.

Общие нормы о браках военнослужащих содержались и в гражданском законодательстве. Например, Свод законов гражданских в ст. 9 кн. I раздела I «О союзе брачном» предусматривали общее ограничение, касающееся заключения брака военнослужащими: лицам, состоящим на военной службе, запрещалось вступать в брак без дозволения их начальства, удостоверенного письменным свидетельством⁷. Все состоявшие на действительной службе генералы, офицеры и нижние воинские чины подчинялись установленным правилам о порядке получения разрешения на вступление в брак⁸.

Статья 954 Свода при получении офицером разрешения на вступление в брак предусматривала обязанность командира отдельной части окончательно решить вопрос о пристойности брака и представить свое заключение на усмотрение начальнику дивизии, который окончательно решал вопрос о разрешении брака. Примечание к данной статье устанавливало, что для пристойности брака необходимо, чтобы невеста была доброй

нравственности и благовоспитанна, а также должно быть принято во внимание общественное положение невесты. Помимо этого, статья 955 Свода военных постановлений устанавливала, что вопрос о пристойности брака должен быть также рассмотрен при принятии на службу офицеров, которые заключили брак, не находясь на службе в военном ведомстве.

За нарушение указанных правил статьей 960 Свода военных постановлений предусматривалась дисциплинарная ответственность офицеров вплоть до зачисления в запас.

Следует отметить дифференцированный подход законодателя к вопросу о разрешении брака нижним чинам в зависимости от их нахождения на действительной военной службе либо прохождения ими сверхсрочной службы. Так, ст. 962 Свода устанавливала запрет на вступление в брак состоящим на действительной обязательной службе вдовым нижним чинам, за исключением вдовых нижних чинов, имеющих детей от прежних браков, оставшихся без всякого презрения. Напротив, ст. 963 Свода разрешала вступление в брак сверхсрочным чинам, а женатым — иметь при себе семейства.

Следует подчеркнуть, что законодательство о браках офицеров принималось с учетом зарубежного опыта ведущих западных держав. Так, во Франции начало законодательства, регламентирующего брак офицеров, было положено Декретом Наполеона I от 16 июля 1808 года, в котором указывалось, что офицеры всех родов оружия, состоящие на действительной службе, могут жениться при условии получения на то письменного разрешения военного министра. Те из них, кто женится без такого разрешения, подвергались отрешению от должности и теряли право на пенсию. Равным образом согласие начальства требовалось и для вступающих в брак нижних чинов.

В Пруссии существенные ограничения браку офицеров впервые поставил Закон от 1 сентября 1798 года. Общим требованием данного Закона было обладание твердым характером, с тем чтобы брачные узы не слишком отвлекали офицера от исполнения служебных обязанностей, а также запрет на вступление в брак без разрешения вышестоящего начальства. Следующим ограничением, вводимым данным Законом, явилось запрещение вступать в брак офицерам ниже

⁶ Очерк бывших и действующих законоположений о браках офицеров в России, Франции, Австрии и Пруссии / сост. К.Р. Довбор. СПб., 1898. С. 12.

⁷ Законы гражданские. Свод законов. Т. X Ч. 1. Изд. 1900 г. по прод. 1906 и 1908 г. с предметным указателем. М., 1911. С. 3.

⁸ Свод военных постановлений 1869 года (Кн. VII. Прохождение службы по военному ведомству). 2-е изд. (по 1 января 1907 года). СПб., 1907. С. 223.

чина капитана (ротмистра) 1-го класса. Более подробное постановление по данному вопросу было изложено в прусском законе 1852 года. Было установлено, что все офицеры, состоящие на действительной военной службе, не только состоящие в распоряжении начальников, но и уволенные с пенсией в отставку, должны были испрашивать высочайшего разрешения на вступление в брак. Прошения эти представлялись общими списками ежемесячно. Законодательством Пруссии были установлены суровые карательные санкции за вступление в брак без разрешения — заключение в крепости от 4 месяцев до одного года, и, что особенно важно, такой брак признавался недействительным.

Наиболее подробно из всех европейских государств законодательство о браке офицеров было урегулировано в Австрии. Первое законоположение Австрии, подробно регламентирующее вопросы брака офицеров, относится к 1750 году. Условием для вступления в брак для офицеров являлось получение разрешения у шефов или командиров полков. Законом были установлены меры ответственности за нарушение данного правила: офицер, заключивший брак без разрешения начальства, подвергался увольнению со службы, а заключенный брак признавался недействительным. Также этим законом была установлена предельная норма допустимого числа женатых офицеров в зависимости от той или иной категории военнослужащих. При разрешении брака закон обязывал проверять следующие условия: отсутствие законных препятствий к заключению брака, соблюдение процентного соотношения числа браков, определенного для каждой категории, наличие определенного законом материального обеспечения.

По мнению Клокачева В.П., основной целью законодательства, регламентирующего брак офицеров (как в России, так и в наиболее развитых государствах Запада), явилось «избавление государства от непосильного для себя бремени, — содержание семей недостаточных офицеров»⁹. Г.А. Решетов также отмечает, что «введенные ограничения по замыслу законодателя должны были оградить армию от тех пороков, которые всегда преследуют человека, уходящего от истины бытия»¹⁰.

⁹ Клокачев В.П. Указ. соч. С. 111.

¹⁰ Решетов Г.А. Законодательное регулирование брачно-семейных отношений в русской армии // Право в Вооруженных Силах. 2007.

После произошедшей в 1917 году смены власти в России начался новый период развития законодательства о брачно-семейных отношениях с участием военнослужащих. Декретом от 16 (29) декабря 1917 года «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» были отменены нормы, специально регулирующие брачно-семейные отношения военнослужащих¹¹.

Нормативных актов, предусматривающих особенности правового статуса военнослужащих как участников брачно-семейных отношений, новыми органами власти не принималось. Начиная с 50-х годов прошлого столетия гражданское законодательство развивалось в направлении изменения специальной гражданской правосубъектности военнослужащих в сторону уравнивания их в гражданских правах и обязанностях с иными гражданами, а также в возможностях их реализации.

В целом сегодня законодательно установлено равенство в объеме прав и обязанностей военнослужащих в области брачно-семейных отношений по сравнению с иными категориями граждан (в том числе и право на вступление в брак)¹². В то же время анализ законодательства позволяет сделать вывод о некоторых различиях в содержании и осуществлении гражданских прав и обязанностей военнослужащих в сфере брачно-семейных отношений.

Согласно СК РФ и Федеральному закону от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» основанием для государственной регистрации заключения брака является совместное заявление лиц, составленное в письменном виде. Сама государственная регистрация заключения брака производится в присутствии лиц, вступающих в брак. В соответствии с п. 2 ст. 26 Закона, если одно из лиц, вступающих в брак, не имеет возможности явиться в органы записи актов гражданского состояния или в многофункциональный центр

№ 4. С. 31. См. также: Чинаев А.А. Деятельность государственных и военных органов управления по совершенствованию культуры быта офицеров русской армии в 1874–1914 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 161.

¹¹ Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 243.

¹² Конституция СССР. Ст. 34 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41; О всеобщей воинской обязанности: закон СССР. Ст. 63 // Ведомости ВС СССР. 1967. № 42. Ст. 22.

для подачи совместного заявления, волеизъявление лиц, вступающих в брак, может быть оформлено отдельными заявлениями о заключении брака. Подпись такого заявления лица должна быть нотариально удостоверена, за исключением случая, если заявление направлено через единый портал государственных и муниципальных услуг. К нотариально удостоверенной подписи лица, совершенной на заявлении о заключении брака, приравнивается удостоверенная начальником места содержания под стражей или начальником исправительного учреждения подпись подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей, либо осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении. Командир же военной части не наделен правом удостоверять подпись военнослужащего на таком заявлении. В данном случае по непонятным причинам граждане, которые обеспечивают безопасность государства, оказываются дискриминированными не только по сравнению с законопослушными гражданами, но и теми, кто совершил уголовные преступления и отбывает соответствующее наказание.

Как видим, если возможно говорить о том, что в связи с прохождением военной службы военнослужащий ограничен в своей свободе передвижения, то можно говорить и о том, что он процедурно ограничен в возможности заключить брак. Хотя в современных условиях для подачи заявления о регистрации брака место прохождения службы, военную часть, военнослужащий может и не покидать, а подать это заявление в электронной форме, однако для самой регистрации брака он должен ее покинуть, а этот вопрос решается по усмотрению командира воинской части.

Как указывается в п. 10 ст. 11 ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», отпуск по личным обстоятельствам на срок до 10 суток предоставляется военнослужащему в исключительных случаях, когда присутствие военнослужащего в семье необходимо, по решению командира воинской части. Обстоятельства, по которым предоставлен такой отпуск, должны быть документально подтверждены. Однако возникновение семьи и специального правового статуса «член семьи» в отношении супругов является следствием вступления в брак¹³, в отличие, например, от правового статуса родителей и детей, бра-

¹³ См. также: Трофимова Г.А. Заключение брака как необходимое условие создания семьи //

твев, сестер и пр., который обусловлен кровной связью между такими членами семьи, или усыновителями и усыновленными, которые становятся «кровными родственниками» и членами одной семьи на основании юридического факта — усыновления (удочерения) — в силу прямого указания закона (ст. 137 СК РФ).

Таким образом, на лиц, желающих вступить в брак и, возможно, даже подавших в орган загса заявление о вступлении в брак, не распространяются указанные нормы Закона «О статусе военнослужащих», поскольку подача такого заявления в семейном праве, а следовательно, и в иных отраслях правовых последствий не влечет. Соответственно, командир части вправе отказать военнослужащему в предоставлении отпуска по личным обстоятельствам, тем более в условиях боевых действий.

Одним из выходов из данной ситуации может рассматриваться предоставление командирам военных частей права регистрировать брак военнослужащего на территории воинской части и месте ее дислокации, при условии что отсутствует возможность регистрации брака в органе загса или ином уполномоченном органе с предоставлением военнослужащему права покинуть часть. При этом на командира части или его помощника по правовой работе должна быть возложена обязанность уведомить ближайший территориальный орган загса о регистрации такого брака в течение определенного количества суток, например, в мирное время — в течение 3 дней, а в период военного конфликта — 14 дней.

Другими примерами проявления специфики правового статуса военнослужащего при реализации права на заключение брака служат и другие правовые положения. Военнослужащие сверхсрочной службы обязаны были доложить по команде обо всех изменениях в семейном положении, а также о вступлении в брак¹⁴. Призыв жениха на военную службу является основанием для снижения

Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 29–32.

¹⁴ Положение о прохождении действительной срочной военной службы солдатами, матросами, сержантами и старшинами Советской Армии и Военно-морского флота: утв. приказом министра обороны СССР от 23 марта 1984 г. № 150 // Материалы ГПУ ВС РФ.

брачного возраста невесты ниже 16 лет согласно законам некоторых субъектов РФ¹⁵.

Конечно, нормы права, регулирующие брачно-семейные отношения с участием военнослужащих, в настоящее время составляют незначительный объем и не позволяют говорить о специальной правосубъектности военнослужащих в сфере брачно-семейных отношений. С другой стороны, военнослужащие могут испытывать затруднения при реализации своих прав в сфере брачно-семейных отношений, в том числе — заключения брака. Эти затруднения непосредственно связаны с прохождением военной службы и особым статусом военнослужащего, однако не должны ущемлять семейные права ни самого военнослужащего, ни иных лиц, которые имеют в их реализации собственный правовой интерес, что требует дальнейшего совершенствования семейного законодательства с учетом исторических и национальных традиций российского народа.

Литература

1. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
2. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
3. Закон Вологодской области от 14 августа 1996 г. № 95-ОЗ «О снижении брачного возраста» // Красный Север. 1996. № 170.
4. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 — 16 марта 1918 г. М., 1957.
5. Законы гражданские. Свод законов. Т. X. Ч. 1. Изд. 1900 г. по прод. 1906 и 1908 г. с предметным указателем. М., 1911.
6. Свод военных постановлений 1869 года (Кн. VII. Прохождение службы по военному ведомству). СПб., 1907.
7. Итяшева И.А., Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н. Правовые проблемы реализации конституционной обязанности родителей по воспитанию детей в случае расторжения брака // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 12: в 2 т. Т. 1. М.: ООО «Издательство «Юрист»», 2012. С. 847–851.
8. Клокачев В.П. Брак офицеров. История развития Законоположения главнейших государств запада. История развития и современное положение вопроса в России: критический обзор. СПб., 1907.
9. Очерк бывших и действующих законоположений о браках офицеров в России, Франции, Австрии и Пруссии / сост. К.Р. Довбор. СПб., 1898.
10. Попова А.М. Сравнительно-правовой анализ института прекращения брака начала XX в. и начала XXI в. // Семейное и жилищное право. 2013. № 4. С. 12–14.
11. Решетов Г.А. Законодательное регулирование брачно-семейных отношений в русской армии // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 4.
12. Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н. Правовые проблемы фактического брака // Частное право: проблемы и тенденции развития: Материалы Межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Долинская, Н.П. Заикин; Серия «Библиотека журналов «Законность», «Уголовное право», «Гражданское право». М.: АНО «Юридические программы», 2009. С. 403–406.
13. Соловьев В.В. Правовое положение семьи военнослужащего в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
14. Трофимова Г.А. Заключение брака как необходимое условие создания семьи // Семейное и жилищное право. 2013. № 3.
15. Туринцева Е.А. Особенности становления и развития семьи военнослужащего в условиях закрытой социальной системы. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.
16. Чинаев А.А. Деятельность государственных и военных органов управления по совершенствованию культуры быта офицеров русской армии в 1874–1914 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Спорные правовые вопросы тайны усыновления в советском семейном законодательстве 60–80-х годов XX века

*Фабричная Татьяна Борисовна,
доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Нижегородского филиала Университета Российской академии образования,
кандидат юридических наук
tbfab@rambler.ru*

В данной статье анализируется семейное законодательство советского периода 60–80-х годов XX века. Особое внимание уделено спорным правовым вопросам тайны усыновления.

Ключевые слова: право, закон, семья, брак, дети, родители, усыновление, усыновитель, усыновленный, тайна усыновления.

Disputable Legal Issues of the Adoption Confidence in the Soviet Family Legislation in 1960s–1980s

*Fabrichnaya Tatyana B.,
Assistant Professor of the State and Civil Law Disciplines Department
at the Nizhny Novgorod Branch of the University of Russian Academy of Education,
Candidate of Legal Sciences*

In this article the Soviet family legislation in 1960s–1980s of XX Century is analyzed. Special attention is paid to disputable legal issues of the adoption confidence.

Key words: Right, the law, family, marriage, children, parents, adoption, adoptive parent, the adopted, adoption confidence.

Институт усыновления представляет собой один из самых древних правовых институтов. Исторически усыновление являлось обязательным компонентом семейного права России и всегда выступало приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. В настоящее время усыновление является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, а сам институт усыновления является одним из средств реализации такого отраслевого принципа современного семейного права, как «принцип приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии»¹.

В различные исторические эпохи процедура усыновления имела свои специфические черты, присущие каждому периоду. Остановимся более подробно на советском периоде отечественной истории — 60–80-х годах XX века. Одним из важных этапов развития института усыновления в Советской России

был период принятия и действия Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, утвержденных Законом СССР от 27 июня 1968 года. Данный нормативно-правовой акт имел общесоюзное значение и лег в основу создания нового Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года (далее — КоБС), а в дальнейшем в аналогичные республиканские кодексы.

Новый Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 года ввел такие понятия, как «удочерение», «тайна усыновления» (удочерения), «отмена усыновления» (удочерения) и признание усыновления (удочерения) недействительным.

Правовое регулирование усыновления (удочерения) в период 1960–1980-х годов не ограничилось принятием КоБС. Советское государство продолжало детализировать механизм данного института, что в дальнейшем отражалось не только в семейном, но и в других отраслях права, которые касались вопросов усыновления.

Усыновление выступало как общественный факт, который приобретал юридическое значение только при соблюдении определен-

¹ Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 10.

ной законом формы его производства. Оно было направлено на установление родительских прав и находилось под контролем советского государства в лице его полномочных органов². Отношения по усыновлению могли возникнуть только на базе властного решения государственного органа.

Основы формулировали задачи и принципы советского законодательства о браке и семье, определяли соотношения общесоюзного и республиканского законодательства, устанавливали наиболее важные правила правового регулирования брачно-семейных отношений, единые для всех союзных республик.

Так, в Основах предусматривались основные условия заключения брака и развода, размер алиментов на несовершеннолетних детей, общий порядок установления отцовства детей, основные вопросы усыновления, опеки и попечительства.

К несомненным достоинствам нового брачно-семейного законодательства относилось правовое регулирование условий, обеспечивающих тайну усыновления. Тайна усыновления способствовала созданию подлинных родственных отношений между усыновителем и усыновленным, стабильности усыновления, облегчала воспитание ребенка. Во всех союзных республиках усыновители были бы записаны в качестве родителей усыновленного в книгах записей рождений (ч. 3 ст. 25 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье). Другие условия, обеспечивавшие тайну усыновления, устанавливались республиканским законодательством и в основном являлись единообразными. По просьбе усыновителей органы опеки и попечительства присваивали ребенку фамилию усыновителя и отчество по его имени, изменяли имя ребенка и место его рождения. В РСФСР, Украинской, Узбекской, Белорусской, Латвийской и Казахской союзных республиках в исключительных случаях допускалось изменение даты рождения усыновленного, но не более чем на 6 месяцев, а в Эстонской ССР — не более чем на 3 месяца³.

Целесообразность норм, обеспечивающих тайну усыновления, подтвердилась в процес-

се их применения. Решения об усыновлении, в которых не указывалось о записи усыновителя в качестве родителя усыновленного, встречались крайне редко. Если усыновителями являлись супруги или одинокая женщина, то обычно изменялись фамилия и отчество ребенка, сравнительно часто — имя, место его рождения, а в РСФСР, Украинской, Белорусской, Узбекской, Латвийской, Казахской и Эстонской союзных республиках — и дата рождения усыновленного. В тех случаях, когда ребенка усыновлял отчим, изменялись фамилия и отчество усыновленного.

О целесообразности правил, обеспечивающих тайну усыновления, свидетельствовало и то, что с просьбами об изменении имени, места и времени рождения ребенка обращались лица, усыновившие детей до введения в действие кодексов о браке и семье. Так, один из усыновителей просил изменить место рождения ребенка, усыновленного в 1959 году. Усыновитель ссылался на то, что семья никогда не проживала в городе, указанном в свидетельстве о рождении ребенка, мальчику внушили, что он родился в другом городе, поэтому при получении паспорта у него могли возникнуть сомнения⁴.

Иногда работники исполкомов предлагали органам загса изменить сведения об усыновленном ребенке. В ряде случаев исполкомы районных (городских) Советов выносили решения об изменении имени, места и времени рождения детей, усыновленных до введения в действие кодексов. При этом они ссылались на подпункт «б» п. 2 Основных положений, определявших порядок изменения и восстановления записей актов гражданского состояния, порядок и сроки хранения актовых книг, утвержденных Постановлением Совета Министров СССР от 2 июня 1969 года⁵.

Однако Основные положения предусматривали изменение фамилии, а не имени, места и времени рождения несовершеннолетнего. Кроме того, такое решение могло быть вынесено при наличии оснований, предусмотренных законом (например, в соответствии со ст. 51 КоБС РСФСР). Изменение же имени, места и времени рождения усыновленного после вынесения решения об усыновлении не предусматривалось нормативными актами.

² Паршукова К.Ю. Общая характеристика отношений, порождаемых усыновлением, и их правовая природа // Семейное и жилищное право. 2008. № 2.

³ Загоровский А.И. Курс семейного права // Семейное и жилищное право. 2008. № 6.

⁴ Паластина С.Я. Спорные правовые вопросы тайны усыновления // Советское государство и право. 1976. № 3. С. 117.

⁵ СП СССР. 1969. № 16. Ст. 85.

Поэтому были частыми случаи, когда органы загса отказывались от исполнения решений исполкомов об изменении имени, места или времени рождения ребенка, усыновленного до введения в действие новых кодексов. Министерство юстиции Латвийской ССР по конкретному делу ссылалось на то, что норма об изменении имени и места рождения усыновленного, предусмотренная ст. 112 КоБС Латвийской ССР, действовала с 1 октября 1969 года и обратной силы не имела. Решение же исполкома районного Совета об изменении места рождения ребенка, усыновленного в 1967 году, было вынесено в нарушение закона и не могло быть исполнено органами загса. Такие же аргументы приводились Министерством юстиции ЛССР.

Решения и распоряжения исполкомов районных Советов были обязательны для организаций, должностных лиц и граждан, если они выносились в пределах предоставленных исполкому прав⁶. Право исполкома изменять имя, место и время рождения усыновленного ограничивалось во времени и прекращалось с вынесением решения об усыновлении. Возможность пересмотра или изменения такого решения самим исполкомом не предусматривалась нормативными актами. Этот порядок обеспечивал стабильность данных, индивидуализирующих усыновленного. Ни в одном из указов о введении в действие кодексов о браке и семье не было норм об обратной силе правил, обеспечивающих тайну усыновления. Следовательно, решение исполкома районного Совета об изменении сведений о ребенке, усыновленном до введения в действие кодексов, не основывалось на законе. Оно не являлось основанием для изменения записи о рождении усыновленного. В таких случаях органы загса были вправе уведомить прокурора, который мог опротестовать решение горисполкома как не соответствующее закону.

Нельзя признать правильным и изменение сведений об усыновленном по указанию отдельных должностных лиц исполкомов местных Советов. Рассматриваемый вопрос был связан с общей проблемой исполнения актов исполкомов местных Советов, не основанных на законе. Особенность состояла в том, что

⁶ Ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях районных Советов депутатов трудящихся» от 19 марта 1971 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 12. Ст. 132.

исправление записей актов гражданского состояния производилось органами загса при наличии достаточных оснований и при отсутствии спора между заинтересованными лицами (ч. 1 ст. 28 Основ). Безусловно, отмена решения райисполкома об изменении сведений об усыновленном являлась достаточным основанием для восстановления персональных сведений о ребенке. Однако очевидно, что заинтересованные лица могли возражать против изменения записи. Для восстановления первоначальных сведений о ребенке в соответствии с ч. 2 ст. 28 Основ требовалось решение суда. В итоге устранение последствий незаконного решения исполкома оказывалось сложным и длительным. А.А. Тилле справедливо отмечал, что «придание закону обратной силы нельзя оценивать абстрактно, в отрыве от реальных обстоятельств, с ним связанных»⁷.

Одним из принципов морального кодекса советского периода развития института брака и семьи являлось взаимное уважение в семье и забота о воспитании детей. Применительно к усыновлению этот принцип в значительной мере был связан с охраной тайны усыновления. В интересах усыновленных в действовавшем тогда законодательстве о браке и семье уделялось особое внимание условиям, обеспечивающим тайну усыновления. Одновременно обеспечивались и интересы усыновителей, которые добросовестно исполняли свои обязанности по отношению к ребенку. В пользу такого же решения вопроса о детях, усыновленных до введения в действие новых кодексов, можно привести доводы, высказанные во время кодификации семейного законодательства об условиях, обеспечивающих тайну усыновления⁸. Несомненно, речь шла о благоприятном для граждан законе. Но такой закон действовал с обратной силой лишь при наличии специального указания законодателя.

Нормы Основ и кодексов о браке и семье распространялись на правоотношения, возникшие после введения в действие соответствующих нормативных актов.

⁷ Тилле А.А. Время, пространство, закон. М., 1965. С. 45.

⁸ Мальцман Т.Б. Спорные вопросы усыновления // Ученые записки ВИЮН. М., 1963. Вып. 16. С. 109; Он же. Усыновление по новому семейному законодательству // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. Саратов, 1969. С. 78–79.

Применительно к тайне усыновления немедленное действие закона не обеспечивало единого правового режима. Лица, усыновившие детей до введения в действие кодексов, оказывались в худшем положении, нежели участники аналогичных правоотношений, возникших позже. К тому же тайна усыновления, обеспечиваемая в процессе возникновения правоотношения, оказывала существенное влияние на его развитие на протяжении многих лет. «Завязка» правоотношения определяла поведение его субъектов спустя много лет после вынесения решения об усыновлении.

По мнению В.А. Туманова, в советском гражданском праве невозможно было установить общее правило о придании обратной силы все нормам, смягчающим или устраняющим гражданскую ответственность, поскольку при этом нарушались бы права другого субъекта правоотношения⁹. Такое соображение в полной мере относилось и к законодательству о браке и семье. Анализ указов о введении в действие Основ и кодексов о браке и семье свидетельствует о том, что обратная сила не придавалась нормам, расширяющим ответственность участников семейных правоотношений. Более того, не придавалась обратная сила нормам, расширявшим возможность приобретения прав вопреки воле обязанного лица¹⁰. Обратная сила придавалась нормам, обеспечивающим интересы граждан и не связанным с возложением новых или дополнительных обязанностей, осложнявших положение других участников семейных правоотношений. Такова, в частности, ст. 11 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Кодекса о браке и семье РСФСР» от 17 октября 1969 года¹¹. Эта норма возлагала дополнительные обязанности лишь на орган загса, но не осложняла положения субъектов семейного права. Совершенно очевидно, что изменение имени, места или времени рождения

усыновленного не ущемляло прав и законных интересов других субъектов семейного права. Улучшение правового положения усыновителей не влекло возложения новых или дополнительных обязанностей на усыновленного. Следовательно, не было препятствий для придания обратной силы нормам, обеспечивающим тайну усыновления. На первый взгляд препятствием для такого решения вопроса являлось сравнительно небольшое число случаев, подлежащих урегулированию. Но, как отмечал В.А. Рясенцев, «существование закона оправдано, если он обеспечивает охрану прав лица даже в крайне редких случаях»¹².

Другим аспектом проблемы обеспечения тайны усыновления являлось воспрепятствование разглашению сведений об усыновлении. В КоБС большинства союзных республик была включена норма, воспрепятствующая без согласия органа опеки и попечительства сообщать какие-либо сведения об усыновлении, а также выдавать выписки из книг регистрации актов гражданского состояния, из которых было бы видно, что усыновители не являлись кровными родителями усыновленного. Согласно ст. 114 КоБС Эстонской ССР порядок выдачи сведений об усыновлении устанавливался Министерством просвещения Эстонской ССР. Эта норма воспроизводилась в инструкциях и правилах о порядке регистрации актов гражданского состояния. Иначе формулировалась ч. 3 ст. 109 КоБС Казахской ССР: справки и другие материалы об усыновлении могли выдаваться усыновителю, а другим лицам — лишь с согласия органов опеки и попечительства либо по требованию судебных и следственных органов.

Следовало учитывать, что в инструкциях и правилах имелись общие нормы о выдаче копий и выписок из книг записей актов гражданского состояния другим органам загса, исполкомам местных Советов, судам, органам прокуратуры, внутренних дел, нотариата, социального обеспечения.

Специальные нормы закона о выдаче копий записей об усыновлении являлись исключением из общего правила, к тому же установленное подзаконным нормативным актом. Однако общее правило лишь воспроизводило другие нормативные акты разного ранга. Например, прокурор мог требовать от орга-

⁹ Туманов В.А. Вступление в силу норм советского права // Ученые записки ВИЮН. М., 1958. Вып. 7. С. 140.

¹⁰ Ст. 2 Закона СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» от 278 июня 1968 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 27. Ст. 241.

¹¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 43. Ст. 1290.

¹² Рясенцев В.А. Задачи кодификации семейного законодательства // Советское государство и право. 1969. № 1. С. 51.

нов местных Советов и от всех должностных лиц представления необходимых документов и сведений¹³. Такое же право имели лица, производившие дознание, следователь и суд, милиция, нотариат и органы социального обеспечения¹⁴. Что касается исполкомов местных Советов, то они являлись органами опеки и попечительства, а поэтому имели право получать сведения об усыновлении. Таким образом, сведения об усыновлении в ряде случаев могли быть сообщены без согласия усыновителя.

Представляется, что формулировка ч. 3 ст. 109 КоБС Казахской ССР была более удачна, нежели аналогичные нормы кодексов других союзных республик. Нередко усыновители переезжали в другой населенный пункт, и их адрес оставался неизвестным органам опеки и попечительства. В результате получение документов, содержащих сведения об усыновлении, было крайне затруднительно. Между тем такие сведения иногда являлись необходимыми в государственных интересах либо для охраны прав граждан. В тех случаях, когда адрес усыновителей был известен, обращались к ним редко, так как это настораживало усыновителей и порождало опасения о разглашении тайны усыновления. Эти соображения могли обусловить отказ усыновителя дать сведения об усыновлении, после которого получение необходимых документов могло оказаться невозможным. Тайну усыновления можно было бы обеспечить, если согласие на получение сведений об усыновлении давали органы опеки и попечительства.

Кроме того, в законе не указывали органы, которые вправе получать сведения об усыновлении без согласия органов опеки и попечительства, ограничив условия выдачи соответствующих сведений. Конструкция рассматриваемой нормы может быть аналогичной ст. 7 Закона СССР «О государственном нотариате» от 19 июля 1973 г. (согласно ч. 2 ст. 7 этого закона справки о совершенных

нотариальных действиях и документы выдавались по требованию суда, прокуратуры, органов следствия и дознания в связи с находившимися в их производстве уголовными либо гражданскими делами. Полагаем, что справки об усыновлении могли выдаваться также другим органам загса либо органам опеки и попечительства. Остальные государственные органы, учреждения или организации должны были получать документы, содержавшие сведения об усыновлении, с согласия органов опеки и попечительства с учетом особенностей усыновления.

Установление отцовства в отношении внебрачного ребенка не ограничивалось во времени и не связывалось с другими институтами семейного права советского периода. Поэтому иногда возникала конкуренция прав усыновителя и лица, признавшего отцовство после усыновления. Катрин У. воспитывалась в детском доме. Мать девочки умерла. 12 декабря 1969 года Катрин удочерили супруги, а 16 декабря 1969 года по заявлению фактического отца была совершена запись об установлении отцовства. Отдел народного образования Валгаского района Эстонской ССР предъявил иск о признании этой записи недействительной. Рассматривая дело в кассационном порядке, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Эстонской ССР нашла иск подлежащим удовлетворению. Судебная коллегия указывала, что во время удочерения девочка не имела родителей, а после вынесенного исполкомом решения лица, удочерившие Катрин, юридически являлись ее родителями. Внесение фактического отца в книгу записей рождений было признано неправильным, так как установление отцовства по заявлению отца не считалось невозможным, если ребенка усыновили (удочерили) в предусмотренном законом порядке¹⁵. Судебная коллегия, как видно, находила недопустимой конкуренцию прав усыновителей и отца. Преимущество признавали за правами, которые возникли раньше. Такой вывод представляется обоснованным.

В силу естественного чувства родительской любви, обычно являвшиеся предпосылкой наиболее благоприятных условий для воспитания ребенка, родительские права и обязанности предоставлялись его родителям.

¹³ П. 2 ст. 11 Положения о прокурорском надзоре в СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. 1995. № 9. Ст. 222.

¹⁴ Ст. 70 УПК РСФСР, аналогичные нормы УПК других республик; Ст. 17 Закона СССР «О государственном нотариате» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30. Ст. 393; П. 142 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий // СП СССР. 1972. № 17. Ст. 86.

¹⁵ Паластина С.Я. Спорные правовые вопросы тайны усыновления // Советское государство и право. 1976. № 3. С. 121.

Те же предпосылки обуславливали равенство родительских прав и обязанностей отца и матери, ни один из которых не мог быть ограничен в их осуществлении без достаточных оснований. Равенство родительских прав, как правило, не порождало конфликтов, так как интересы отца и матери совпадали. Но если отношения между ними обострялись либо их брак расторгался, возникала конфликтная ситуация и по отношению к ребенку. Равенство родительских прав субъектов, интересы которых противоположны, отрицательно сказывалось на воспитании ребенка. Эти положения применимы и в наше время.

Поскольку обычно интересы родителей и усыновителей не совпадали, законодатель исключал конкуренцию их прав в отношении ребенка. Усыновленные и их потомство утрачивали личные и имущественные права, освобождались от обязанностей по отношению к своим родителям и их родственникам и приобретали соответствующие права по отношению к усыновителям и их родственникам. С вынесением решения об усыновлении, как правило, прекращалось родительское правоотношение с родителями и возникало аналогичное отношение между усыновителем и усыновленным. Поэтому Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Эстонской ССР указывала, что лица, удочерившие Катрин, юридически являлись ее родителями. Представляется, что с вынесением решения об усыновлении прекращались не только реально существовавшие и удостоверенные в установленном порядке родительские права и обязанности, но и возможность их приобретения. В противном случае конкуренция прав усыновителя и лица, установившего отцовство, оказалась бы неизбежной.

Стабильность усыновления последовательно обеспечивалась законодательством. Об этом свидетельствует анализ норм, регулировавших признание усыновления недействительным и его отмену. Даже в тех случаях, когда налицо существовало нарушение установленного порядка усыновления, его отмена не являлась обязательной. Она производилась, если возвращение ребенка родителям соответствовало его интересам. В равной мере интересы ребенка являлись определяющими при признании усыновления недействительным (ст. 112–114 КоБС РСФСР). Безупречное поведение родителей во время усыновления само по себе не было достаточ-

ным для его прекращения. Родителям не предоставлялось преимущественное перед усыновителями право на воспитание ребенка. При решении же вопроса о восстановлении в родительских правах предпочтение отдавалось усыновлению (ч. 2 ст. 63 КоБС РСФСР). Не было оснований и для предпочтения усыновителю фактического отца, в течение длительного времени не проявлявшего заботы о ребенке и признавшего отцовство только после усыновления.

Казалось бы, сказанное не исключает установления отцовства, а спор о конкуренции прав усыновителя и лица, признавшего отцовство, могла бы решаться в судебном порядке. Однако уже при регистрации установления отцовства возникали трудности. В записи об установлении отцовства указывались фамилия, имя, отчество, присвоенные ребенку при усыновлении, и тем самым раскрывалась тайна усыновления. В свою очередь, запись об установлении отцовства являлась основанием для изменения фамилии и отчества ребенка и внесения в свидетельство о рождении (ч. 3 ст. 157 КоБС РСФСР). Следовательно, органы загса были обязаны исправлять фамилию и отчество, присвоенные ребенку при усыновлении, и исключать сведения об усыновителях, записанных в качестве родителей усыновленного. Неблагоприятные последствия регистрации установления отцовства в подобных случаях были очевидны.

Поэтому представляется, что конкуренция прав усыновителя и фактического отца могла быть полностью исключена в случае дополнения кодексов о браке и семье нормой, не воспрепятствующей установления отцовства в судебном порядке по совместному заявлению родителей, не состоящих между собой в браке, либо по заявлению фактического отца в отношении усыновленного ребенка.

Завершая статью, акцентируем внимание на нескольких моментах.

Во-первых, одним из важных этапов развития института усыновления в Советской России был период принятия и действия Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, утвержденных Законом СССР от 27 июня 1968 года.

Во-вторых, к несомненным достоинствам нового брачно-семейного законодательства относилось правовое регулирование условий, обеспечивающих тайну усыновления.

В-третьих, нельзя признать правильным изменение сведений об усыновленном по указанию отдельных должностных лиц исполкомов местных Советов. Особенность состояла в том, что исправление записей актов гражданского состояния производилась органами загса при наличии достаточных оснований и при отсутствии спора между заинтересованными лицами (ч. 1 ст. 28 Основ).

Безусловно, отмена решения райисполкома об изменении сведений об усыновленном являлась достаточным основанием для восстановления персональных сведений о ребенке. Однако очевидно, что заинтересованные лица могли возражать против изменения записи. Для восстановления первоначальных сведений о ребенке в соответствии с ч. 2 ст. 28 Основ требовалось решение суда. В итоге устранение последствий незаконного решения исполкома оказывалось сложным и длительным. А.А. Тилле справедливо отмечал, что «придание закону обратной силы нельзя оценивать абстрактно, в отрыве от реальных обстоятельств, с ним связанных»¹⁶. В-четвертых, нормы Основ и кодексов о браке и семье распространялись на правоотношения, возникшие после введения в действие соответствующих нормативных актов. Этот общий принцип обуславливался длящимся характером преобладающего большинства брачных и семейных правоотношений. Права и обязанности, возникавшие в процессе развития длящегося правоотношения, регулировались законом, адекватным времени их возникновения. Таким образом, достигалось нормальное развитие длящихся правоотношений, обеспечивались права и законные интересы их субъектов и одновременно осуществлялся единый правовой режим в рассматриваемой сфере общественных отношений.

В-пятых, применительно к тайне усыновления немедленное действие закона не обеспечивало единого правового режима. Лица, усыновившие детей до введения в действие кодексов, оказывались в худшем положении, нежели участники аналогичных правоотношений, возникших позже. Такое различие было неоправданно. К тому же тайна усыновления, обе-

спечиваемая в процессе возникновения правоотношения, оказывала существенное влияние на его развитие на протяжении многих лет. Чем старше ребенок, тем больше было оснований опасаться раскрытия тайны усыновления.

В-шестых, нельзя не учитывать, что немедленное действие правил, обеспечивающих тайну усыновления, порождало многочисленные нарушения закона, которые обуславливались стремлением обеспечить надлежащее воспитание ребенка в семье усыновителей. Налицо расхождение между правосознанием и действием правовой нормы во времени. Это противоречие нужно было устранять.

Мы разделяем позицию ученых, считающих, что одновременно была и необходимость в изменении порядка заполнения новых свидетельств о рождении усыновленного, так как такие свидетельства нередко порождали сомнения у усыновленного, родственников усыновителя и других лиц.

Литература

1. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.
2. Загоровский А.И. Курс семейного права // Семейное и жилищное право. 2008. № 6.
3. Мальцман Т.Б. Спорные вопросы усыновления // Ученые записки ВИЮН. М., 1963. Вып. 16.
4. Мальцман Т.Б. Усыновление по новому семейному законодательству // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. Саратов, 1969.
5. Паластина С.Я. Спорные правовые вопросы тайны усыновления // Советское государство и право. 1976. № 3.
6. Паршукова К.Ю. Общая характеристика отношений, порождаемых усыновлением, и их правовая природа // Семейное и жилищное право. 2008. № 2.
7. Рясенцев В.А. Задачи кодификации семейного законодательства // Советское государство и право. 1969. № 1.
8. Тилле А.А. Время, пространство, закон. М., 1965.
9. Туманов В.А. Вступление в силу норм советского права // Ученые записки ВИЮН. М., 1958. Вып. 7.

¹⁶ Тилле А.А. Время, пространство, закон. М., 1965.

Государство и нация в пространстве

*Исаев Игорь Андреевич,
Заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

Статья посвящена важной геополитической и правовой проблеме соотношения государственно-го пространства и государственного суверенитета. В исторической ретроспективе понятие суверенитета изменялось под влиянием конкретных политических, идеологических и юридических фактов. Менялся субъект суверенитета, им поочередно становились «монарх», «нация», «народ», менялись важнейшие формы государственного суверенитета.

Особо остро вставал вопрос о значении и формах государственных территориальных границ, проблемы доминирования и экспансии. Появлялись новые глобальные понятия — «пустые пространства», «жизненное пространство» и т.п. Политика самым тесным образом срасталась с обновляющимися правовыми интерпретациями проблемы пространства.

Ключевые слова: территория, государство, суверенитет, господство, нация, глобализм, легальность, легитимность, право, закон, нигилизм, коллективность, субъект, юридическое лицо.

The State and Nation in Space

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation
Head of the State and Law History Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

This article is devoted to the important geopolitical and legal issue of interrelation between the state space and the state sovereignty. In the historical retrospective show, the concept of sovereignty changed under influence of specific political, ideological and legal facts. The subject of sovereignty varied from "monarch" to "nation" and "people", as well as major state sovereignty forms.

Issues of significance and forms of the state territorial borders, domination and expansion were especially critical. New global concepts of "empty spaces", "vital space", etc. came into existence. The policy grew together with updated legal interpretations of the space issue very closely.

Key words: Territory, state, sovereignty, domination, nation, globalism, legality, legitimacy, right, law, nihilism, collectivity, subject, legal entity.

Абстрактное определение «открытого пространства», пришедшее на смену категории «пустые пространства», семантически снимает понятие «конкретной почвы», столь характерное для суверенного государства. Противопоставление универсализма и суверенности — это противопоставление экономического (по сути — виртуального) пространства конкретной «почве», или, по определению Вернера Зомбарта, противопоставление «пустыни» «лесу».

Правовое пространство суверенного государства всегда представлялось составной частью, качественно и по своей наполненности неотличимой от однородного и унифицированного мирового пространства. Абстрактный язык правовых норм значительно способствовал такой унификации, и Г. Еллинек

определил суверенитет не более как «полемическое представление», лишь впоследствии превратившееся в правовое: не теория создала его, его сформировали те самые великие силы, борьба которых составляла содержание целых столетий: «Суверенитет есть понятие... политическое, имеющее первоначально оборонительный характер и лишь впоследствии наступательный характер... Суверенитет есть не абсолютная, а юридическая категория».

Исторический дискурс ставил в центр проблему государства. В XVII веке против него выступила аристократическая реакция, в своей интерпретации указывая на роль нации в разложении государственного единства и на то, что за формальной видимостью государства действуют силы, принадлежащие не государству, а особой группе, имеющей свою

особую историю, свои отношения господства и взгляды на прошлое. Историческая цикличность, характерная для XVII века, уступает место прямой линии, где решающим моментом будет переход от возможности к действительности, то есть от национальной целостности к государственной универсальности¹.

Понятие территории вырабатывалось также исторически, в долгом процессе познания, конструируясь как понятие государственно-правовое, юридическое. В традиции барокко территория представлялась как арена государственного властвования, но позже нормативизм обозначил государственную территорию как пространство, которым «ограничена значимость государственного правопорядка». Нормативное единство государственной территории знаменовало единство системы правопорядка (Кельзен Г.). И поэтому территория юридически оказывалась исключительной и непроницаемой. Когда Фихте говорил о «закрытом торговом государстве», он имел в виду автаркию с такими непроницаемыми границами, но основанную на национальной почве: для описания такой формы было недостаточно только юридических терминов; и метафизический «дух нации», открытый в политике романтиками, стал пропитывать систему, изнутри подрывая уже устоявшуюся к этому времени нормативистскую и просветительскую методичку, а заодно и юридический позитивизм государственной науки.

В XIX веке в исторический процесс включается новый политический и правовой субъект — нация. Народы, до этого момента пребывавшие в пределах имперских государственных образований и довольствовавшиеся культурной автономией, почувствовали нужду в собственном и контролируемом ими территориальном пространстве. Кабинетная дипломатия XVIII века с ее тайнами («арканами») уже не могла противостоять настойчивым требованиям открытости, которые предъявлялись политике. (В значительной мере это было связано и с изменившимся характером войны, которая во многих случаях приобретала характер «народной» и «национальной».) Нация довольно быстро противопоставила себя государству в его старом и традиционном аристократическом понимании, а проблема «нация и территория» потребовала новой интерпретации, как в политике,

¹ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 238.

так и в праве. («Дух народа — это не фантазия романтиков, а неоспоримая реальность... народы и государства могут испытывать симпатии и антипатии, любить и ненавидеть... приказывать и повиноваться». К коллективам вполне применимы категории индивидуальной психологии².)

Теперь в Европе уже не осталось «пустых территорий», зато они обнаружились где-то далеко за ее пределами. Раздел колоний, по существу, стал разделом территорий самих европейских государств, как бы продолженных в пространстве, но не имеющих там четких и устойчивых границ (множество договоров о таких разделах в любой момент могло быть оспорено и к тому же не отличалось картографической точностью). В публичном праве появляется большое число субъектов «промежуточного» типа — доминионы, мандатные территории, территории общего пользования (кондоминиумы), а с развитием технических средств и вооружений старые, природные границы утрачивают значительную часть своей сопротивляемости и непроходимости.

Национальные революции XIX–XX веков по-новому поставили проблему границы. И прежде бывшая достаточно спорной теория ее линейности и математически выверенной точности исчезает в прошлом: теперь граница — пространство с неопределенными очертаниями, разрывами, вкраплениями и массой условностей, как исторического, так и юридического порядка. Граница — пространство, но не линия, и государства, чувствующие собственную силу, как кажется, проявили заинтересованность именно в такой интерпретации.

Современное государство не является организацией, которая включает в себя граждан, оно является их организацией (Гегель Г.). Но «нет государства без индивидуального представителя суверенитета, того, кто принимает решения в последней инстанции. Гегель не признает народного суверенитета. Народ, взятый без своего монарха и необходимо и непосредственно связанного именно с ним расчленения целого, есть бесформенная масса, которая уже не есть государство». Сам термин «народный суверенитет» хоть и не лишен смысла, но бесполезен и даже опасен. Для Гегеля государство и история создают народ³.

² Трипель Г. Гегемония // Философия вождизма. С. 556.

³ Вейль Э. Гегель и государство. СПб., 2009. С. 113–118.

Для Эволы понятия «нация» и «народ» возникли в природе, а значит, носят подрывной, антитрадиционный характер, то есть выражали заботу о собственном выживании и стояли вне духовности и идеала. С этим связывалось соотношение монарха и вождя как двух знаковых фигур: вождь получал легитимность от народа, он приходит «снизу», монархи приходили «свыше». Понятие нации принесла Французская революция, наследниками которой и явились авторитарные режимы XX века. Идея Империи была аристократической идеей, государство было создано во имя духа, а не материи, и Эвола замечал: основу будущего государства должна сформировать элита, выходящая за рамки партий какой-либо политико-административной структуры, элита, которая явится в форме нового ордена⁴. Георгий Федотов полагал, что в случае грядущей победы идей Рах Americana может возникнуть настоящая федерация народов, тип объединения, к которому склонно мышление англосаксов.

Выход на политическую арену национального государства, этой потерявшей антропоморфные черты машины (Ницше называл его «самым холодным из чудовищ»), меняет саму идею территории — она становится придатком или конституирующим элементом этого государства. Суверенитет, забывший о своих настоящих истоках, ищет для себя как оправдания новую субстанцию — народ, нацию, делаая их субъектами политической игры. В борьбе за крошечные территории гибнут сотни тысяч людей. Индивидуализм пронизывает все политическое бытие наций. Чувство единства, уже в империи ставшее механическим, окончательно утрачивается. Если войны XVII столетия (Тридцатилетняя война) проходили еще под знаком религиозной непримиримости и спора об истине, то войны XIX века, даже для империй, как традиционных, так и наполеоновской, ведутся уже на национальной, подкрашенной революционными лозунгами основе и исключительно за территориальные интересы. Все пакты и договоры XIX века — это акты раздела территориальных пространств. Национальные революции в Европе избирают тот же путь для своей самоидентификации, а распад старой Европы и «старого порядка» сопровождается заметным ростом националистического пафоса.

⁴ Хансен Х. Т. Политические устремления Юлиуса Эволы. М., 2010. С. 98.

«Надо не преобразовывать федеративное государство в федерацию государств, а трансформировать его в империю, которая одновременно будет тем и тем». Место парламентаризма займет народное представительство нации, и только в таком государстве жизненная сила нации станет целенаправленной волей. Национализм ратует за последнюю империю: она — это абсолют, который может быть постигнут только через несовершенство. Она — пророчество, может быть только одна империя. Националист всегда останется мистиком, он мыслит об империи всех времен (ван ден Брук А. М.).

Однако имперская идея не исчезает из европейского менталитета окончательно: наполеоновская «революционная» империя, карикатурная империя Наполеона III и все еще живые старые империи России, Австро-Венгрии и Турции (и присоединившийся к ним Второй рейх Германии) уступают место на мировой арене новым, модернизированным и технически вооруженным империям Англии и Франции, для которых территориальная проблема возникла еще и в связи с эпохой Великих географических открытий и устранением их соперников — Испании и Португалии — как из морского, так и из сухопутного пространства. Империи, казалось, обрели свое новое лицо, перенося при этом свои периферийные территории далеко в пространство, подальше от метрополий и исторических центров.

Статус нации невозможно определить однозначно и объективно (до стадии политических процессов, в которых она участвует) только на культурных или социально-структурных основаниях. Нация реально существует лишь в контексте национализма: нация — это особый образ осмысления того, что значит быть народом, — сам националистический образ мысли и речи помогает создать нацию (Отто Бауэр добавил к этому еще и фактор «общности судьбы», а Карл Дойч говорил, что «нации становятся нациями, только когда они обретают силу для того, чтобы подкрепить свои устремления»⁵).

Самоощущение нации как конституирующий фактор обнаруживается уже после XIV века, когда народные восстания и политические теории стали опираться на идею, что именно «народ» составляет силу, способную наделять легитимностью государство, и в этом случае границы государства должны были соответствовать границам нации. Возникшая на этой основе проблема суверените-

⁵ Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 198–202.

та потребовала обращения к «правам» народа и его воле: нации становились историческими существами, обладающими волей, правами и способностью принимать решения.

В XVII веке в интерпретации королевских перистов нация не образовывала единого организма. Она целиком заключалась в личности короля. Из этого аристократическая реакция извлекала «множество наций», между которыми осуществлялась война в отношении господства-подчинения: уже не король конструировал нацию, а нация создавала себе короля.

Революция изменила понятие о нации: знаменитое определение Сийеса давало ей два необходимых признака — закон и легислатуру. Уже не было необходимости в короле и управлении: нация существовала до появления суверена, до делегирования власти, при условии что она дает себе общий закон при посредстве инстанции, которую она же создала для выработки закона⁶.

Народное участие в политической деятельности способствовало тому, что сама легитимность должна была все более зависеть от представлений о неполитической социальной организации, социальная сплоченность которой выражалась теперь во внешнем ограничении и внутренней консолидации населения, ассоциированной с единой «волей народа». В этой ситуации само государство уже не считалось монопольным и исключительным политическим сообществом, поскольку его легитимность теперь зависела от согласия и поддержки со стороны другого, уже оформленного и существующего политического сообщества («гражданского общества»).

Гоббс представлял подобное единство в качестве социально организованного «тела» (*corpus*), сформированного в результате последовательного заключения двух договоров: первый объединял добровольных участников в сообщество, второй принудительно связывал это сообщество с правителем или сводом законов. Подобное социально и политически значимое целое предполагало наличие «общей воли», политическая наука становилась плодом общей приверженности этому целому и принципам, которые это целое в себе воплощает: характерно, что распространению категории «нации» и феномена национализма способствовала не столько сила национального государства, сколько углубляющийся разрыв между народом и государством (Дюркгейм Э.).

⁶ Фуко М. Указ. соч. С. 232.

В новых пореволюционных условиях нацию определяли не ее архаичность и отношение к прошлому, но отношение к государству. Ее силу составляют некие способности упорядочиваться в системе государства, государственные способности. Сущностью нации становится не ее господство над другими, но умение управлять собой, руководить и обеспечивать себе конституцию, функционирование государственной системы и власти. «Не господство, а этактизация»⁷.

Суверенитет стал проблемой не только централизованного государственного аппарата и участников борьбы за власть, но и возможного представительства народа в коллективном действии, что стало важным условием современного понятия легитимности: в ходе революций нация активно утверждалась в качестве суверенной сущности.

Нации, в ходе борьбы и становления оставшиеся без территорий, теперь уже не имели права создавать собственную государственность и вынуждены были вливаться в более крупные, имперского типа образования. Парадоксальным образом пространства на обширной Земле для всех не хватало. Угроза передела территорий стала нависать над Европой и неоднократно осуществлялась в действенности в виде ужасных войн: идея «жизненного пространства» и его стесненности становилась побудительным мотивом к самым радикальным и безрассудным политическим действиям. Разумеется, этому способствовал и общий рост населения, как в Европе, так и в мире в целом.

Пересекающиеся взаимодействия государственных национальных и транснациональных «панидей» осуществлялись преимущественно в пространстве, во времени же сохраняя удивительную живучесть и неизменность, куда-то исчезая и возрождаясь вновь, повторяя уже имевшие место влияния и аффекты (на что обратил внимание Хаусхофер). В отличие от государства нация — органическая, т.е. естественная, природная субстанция. Придание ей политических функций, по традиции выполняемых государством, неизбежно вело к высвобождению прежде скрытых стихийных сил. Нация по сути своей оказалась иррациональной, государство же в принципе — рационалистичным.

Но отношение к границе, если оно допускает в ее оценках и определении иррациональную мотивацию, может сделать ненадежным также

⁷ Там же.

и все рассчитанные и юридически обеспеченные договоры и соглашения: в понимании нации пространство представлялось бесконечным и одновременно доступным осознанию и освоению. Условное единство нации также ничем не могло быть подтверждено и гарантировано, а следовательно, и ее отношение к соседним пространствам (не пустым, но чужим) оказывалось также непредсказуемым.

Эпоха роста национальных государств была эпохой непрерывных войн, напомнив о средневековых временах междоусобиц и религиозных конфликтов. Затишье конца XIX века (если не принимать во внимание продолжавшиеся колониальные войны) оказалось недолгим, и в грохоте двух мировых войн вновь зазвучали имперские мотивы, прикрываемые лозунгами «мирового порядка» или «всемирной демократии». Национализм превратился в империализм нового типа, когда интересы только одной нации представляются как всеобщие и глобальные. Мировые державы увидели свое «жизненное пространство» теперь уже в масштабах всей Земли, в любой точке которой могут быть затронуты их интересы. Территория супердержав захватывает даже космос. Начали делить лунную поверхность. Нормы международного права уверенно провозглашают свой приоритет над нормами национального законодательства, если государство, его принявшее, не в силах реально противопоставить свой суверенитет глобалистскому влиянию.

Суверенитет государства всегда гарантировался реальной силой и потенциальными возможностями этого государства, и защита территории всегда оставалась его важнейшей функцией. Правовое оформление суверенитета, разумеется, создавало образ государственности, способной к самостоятельному существованию. Территория государства была тем пространством, где такой суверенитет оказывался реальным. Но экономическое проникновение чужих сил и влияние на это пространство неизбежно влекли идеологические и политические трансформации в системе самой национальной государственности, если это влияние не подвергалось корректировке и нормированию. Прежде границы взламывались под воздействием религиозных и революционных идей, затем пришла очередь рынков и кредитов. Военное вторжение все чаще остается чрезвычайным, но не особенно редким способом воздействия: логика действий «мировой общности» и «мирового правительства» вовсе

не исключает его применения. Продолжит ли свое существование имперская форма в образе национального «империалистического» государства, распространяющего свою гегемонию на весь остальной мир, или в виде союзного образования, обладающего той или иной степенью централизованности власти и соответствующей «панидеей», видимо, покажет не очень уж отдаленное будущее. В ситуации, когда «тотальность» сменяется «глобальностью», идеи нации и национальной империи, казалось бы, давно ушедшие в прошлое, могут вдруг оказаться способными возродить более человеческое отношение к тому пространству, той территории, на которых нации проживают, вспомнив такие забытые понятия, как «Отчизна», «Родина-мать»: если воспринимать государство не как внешнюю и чуждую человеку силу, а как Родину и Отечество, то вполне возможно вернуться к состоянию, по которому нормальный человек на Земле все еще испытывает ностальгию.

На «шахматной доске» современной геополитики всякое отклонение государственных границ от реальных геополитических чревато возникновением напряженности и конфликтов. «Поскольку геополитика есть игра с ненулевой суммой, позиция, выигрышная для одной из сторон, не обязательно является проигрышной для другой»⁸, и это весьма характерно для геоекономики, представляющей проблему границ в совершенно ином, нетрадиционном плане.

Глобальная система в идейной перспективе устраняет понятие границы, а национальную территорию заменяет виртуальным пространством нового мира. В рамках этой концепции национальное государство должно будет уступить место империи нового типа, унифицирующей все пространство экономически и политически. Как ни странно, но эти положения хоть и стали уже общим местом в геополитике, тем не менее не вызывают видимой тревоги у традиционно национальных, прочно укорененных в своей территории государств.

Литература

1. Вейль Э. Гегель и государство. СПб., 2009. С. 113–118.
2. Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 198–202.
3. Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 238.
4. Хансен Х.Т. Политические устремления Юлиуса Эвола. М., 2010. С. 98.

⁸ Переслегин С. Законы геополитики // Классика геополитики. XX век. С. 706–707.

Понятие «oriental despotism» как часть евроцентризма

*Поликарпова Елена Васильевна,
профессор кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук
dissersovet@mail.ru*

В статье анализируются генезис, развитие и политическая роль понятия «oriental despotism». С XVIII века вектор экономического и политического прогресса временно сместился на Запад. Это породило представление о цивилизационной неполноценности восточных регионов мира. Одним из таких представлений стала концепция «восточного деспотизма».

Эта концепция, разделяемая Монтескье, Гегелем, а также теоретиками английской политической экономики, оказала влияние даже на марксизм. Упомянутые К. Марксом понятия «азиатские производственные отношения», «азиатский способ производства» не получили развития у основателей марксизма, но стали яблоком раздора среди их эпигонов.

Во второй половине XX века дискуссии об «азиатском способе производства» привлекли внимание антисоветских кругов, видевших в СССР вариант «азиатской деспотии».

Рассуждения о «непроглядной мгле восточной деспотии» были заимствованы постсоветской литературой 90-х годов XX века. Однако в наши дни, когда великие азиатские державы выходят в лидеры мирового прогресса, такого рода обобщения выглядят неуместно и все чаще вызывают отторжение у противников евроцентризма.

***Ключевые слова:** колониализм, евроцентризм, «восточный деспотизм», «азиатский способ производства».*

The “Oriental Despotism” Concept as a Part of Eurocentrism

*Polikarpova Elena V.,
Professor of the State and Law History Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law*

In this article genesis, development and political role of “oriental despotism” concept is analyzed.

Since the 18th century, the vector of economic and political progress has been temporarily displaced to the West. This generated ideas about civilizational inferiority of the East regions of the world. One of such ideas is the “oriental despotism” concept.

This concept, being shared by Montesquieu, Hegel, and English political economy theorists, influenced even Marxism. The notions of “Asian production relations” and “Asian production practice” mentioned by K. Marx were not developed by Marxism founders, but became apple of discord for their epigones.

In the second half of the 20th century, discussions about “Asian production practice” drew attention of anti-Soviet circles, which considered the USSR as a variant of the “oriental despotism”.

Reasoning on “impenetrable darkness of oriental despotism” was borrowed by the post-Soviet literature of 1990s. However, today, when great Asian powers are becoming leaders of the world progress, such generalizations seem to be inappropriate and increasingly appall opponents of Eurocentrism.

***Key words:** colonialism, Eurocentrism, “oriental despotism,” “Asian production practice”.*

Пожалуй, самый распространенный подход к мировой истории — рассмотрение ее через очки «западной цивилизации». Эта традиция глубоко укоренилась в европейской культуре и очень многим обязана идеям европейского превосходства, выработанным в XIX веке.

Клайв Понтинг*

* Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд. М., 2010. С. 12.

Имя современного британского историка Клайва Понтинга впервые получило известность в 1985 г., когда, будучи высокопоставленным сотрудником министерства обороны, он предал гласности секретные документы о потоплении аргентинского крейсера «Генерал Бельграно» в ходе Фолклендской войны. Смысл документов состоял в том, что дряхлый крейсер не имел военного значения и спешно уходил из района боевых действий. Он был потоплен лишь затем, чтобы власти могли приплюсовать к потерям противника еще несколько сотен человеческих жизней. Отданный под суд по «Закону о государственной тайне» от 1911 г., Понтинг был оправдан присяжными. Уйдя с государственной службы, он занялся преподавательской и научной деятельностью. Противник евроцентричного взгляда на мировую историю, Понтинг был убежден, что мир всегда был многополярным и ни одна из цивилизаций не может претендовать на превосходство над другими.

В Новое время греческий термин «деспотизм» был введен в широкий идеологический оборот Франсуа Фенелоном¹, использовавшим его для скрытой критики правления Людовика XIV. В нравоучительном романе «Приключения Телемака, сына Одиссея» Фенелон противопоставил «деспотии», «где нет законов, кроме воли одного человека» и «поданные — рабы самовластья», идеал «просвещенной монархии» с мудрым правителем и сановниками, преданными общественному благу.

Просветители XVIII века сначала использовали понятия «деспотизм», «деспотия» для критики французского абсолютизма. Но затем этот негативный идеологический конструкт был востребован европейским колониализмом. Постепенно он трансформировался в *oriental despotism* — специфику восточной государственности, обусловленную природными свойствами народов Востока.

Монтескье в трактате «О духе законов», изданном в 1748 году, приписал этим народам «леность ума, естественно связанную с такой же ленью тела»². По его словам, «малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, тогда как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу»³. Если в Европе «дух свободы» «возрастает или убывает смотря по обстоятельствам», то Азии и Востоку в целом присущ «дух рабства». Поэтому власть там «всегда должна быть деспотической».

Позднее термин и понятие «восточный деспотизм» были без критики заимствованы Гегелем и включены в его «конструкцию» всемирной истории.

В «Лекциях по философии истории»⁴ он объявил государства Древнего Востока царством необузданного произвола единоличных деспотов, где «нет места для развития индивидуальности» и человек лишь «безвольный орган государственной власти». Ход истории, как закономерный процесс развития от низ-

ших форм к высшим, по словам Гегеля, обусловил «переход человеческого духа с Востока на Запад».

Гегель признал исчерпанной цивилизационную миссию народов Востока. «Древние восточные народы», такие как Китай и «мир Инда и Ганга», объяснял он студентам, хотя и «влачат естественное, растительное существование до настоящего времени», однако «не идут больше в счет всемирной истории». «Конечная судьба азиатских империй подчиняться европейцам», подвергаться «покорению и угнетению»⁵. «Зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, распространяющее возвышенное сияние». «Западу», особенно народам «германского мира», принадлежит будущее. «Германский дух есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины»⁶.

Такая философия истории по меньшей мере не противоречила практике колониализма.

Распространенное мнение о бесперспективности Востока для дальнейшего развития цивилизации повлияло на взгляды основателей марксизма. Вслед за Гегелем они признали отличительными характеристиками восточного общества «деспотизм» и «поголовное рабство». Не будучи компетентными ориенталистами, они судили об этом с чужих слов, некритически восприняв как указанную выше гегелевскую концепцию, так и взгляды английских либеральных теоретиков политической экономии. Большинство последних были так или иначе связаны с Ост-Индской компанией.

Статьи К. Маркса «Британское владычество в Индии», «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности», «Будущие результаты британского владычества в Индии»⁷ написаны в 1853 году, когда в английском парламенте шла дискуссия о продлении хартии Ост-Индской компании. Маркс знал, что бедствия, причиненные британскими завоевателями, «неизмеримо бо-

¹ Франсуа де Салиньяк, маркиз де ля Мот Фенелон (1651–1715) — французский писатель и богослов, воспитатель внука Людовика XIV герцога Бургундского.

² Монтескье Ш.Л. О духе законов. Кн. XIV. Гл. IV. М., 1955. С. 353.

³ Там же. Кн. XVII. Гл. II. С. 387.

⁴ *Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte* были прочитаны Гегелем в Берлинском университете с 1822 по 1830 г.

⁵ «Англичане, или, лучше сказать, ост-индская компания, господствуют в Индии, так как азиатские государства неизбежно должны подчиняться европейцам; этой участи, — полагал Гегель, — должен будет подвергнуться и Китай». Цит. по: Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 185.

⁶ Там же. С. 262.

⁷ Данные статьи содержатся в томе 9 Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

лее глубоки, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше», что «в Индостане Англия... руководствовалась самыми низменными интересами»; однако полагал, что, «несмотря на все свои преступления», она стала бессознательным орудием исторического прогресса.

Вопросы ориенталистики не были приоритетными для основателей марксизма, обращавшихся к ним изредка и в связи с другими проблемами. В «Экономических рукописях за 1857–1859 гг.» К. Маркса среди «форм, предшествовавших капиталистическому производству» упомянуты «азиатские производственные отношения». В работе «К критике политической экономии», ставшей первым итогом его «политико-экономических занятий» 1850–1858 годов, Маркс обозначил «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства» как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации».

Данная классификация испытала влияние сенсимонистской концепции о стадиях поступательного прогрессивного развития общества. Сен-Симон не писал о странах Востока, возможно, считая их историю чем-то второстепенным. Маркс же, заинтересовавшись спецификой «азиатских производственных отношений», назвал «азиатский способ производства» среди основных «эпох экономической общественной формации».

Для основателей марксизма понятие «азиатский способ производства» не имело концептуального значения и не получило развития в их творчестве, зато стало яблоком раздора среди их эпигонов.

В официальной советской науке утвердилась приписанная Марксу парадигма смены пяти общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической, начальным этапом которой является социализм. Эта так называемая «пяточленка» была сформулирована советским востоковедом В.В. Струве. В ней не нашлось места для «азиатского способа производства» и соответствующей ему формации. Все древневосточные общества были произвольно отнесены к рабовладельческой формации, все средневековые — к феодализму.

Однако гипотеза «азиатского способа производства» не исчезла. Первая волна дискуссий на эту тему возникла в 1925–1932 го-

дах в связи с ростом национально-освободительного движения в странах Востока. Она закончилась поражением так называемых «азиатчиков» и официальным утверждением «пяточленки». Вторая — в 1957–1971 годах, в период так называемой оттепели. Третья — в 1987–1991 годах⁸.

Большинство участников дискуссий не ставили под сомнение «формационную» периодизацию исторического процесса, споры шли вокруг ее интерпретации. Эти споры поглотили много интеллектуальных сил. Тем не менее дискуссии об «азиатском способе производства» становились своего рода отдушиной для неортодоксальных подходов к характеристике восточных обществ.

За рубежом эти дискуссии привлекали внимание не только марксистских, но и антимарксистских кругов. Постепенно понятие «азиатский способ производства» стало оружием в интеллектуальной «холодной войне». Значительную роль в этом сыграла вышедшая в 1957 году книга К. Виттфогеля «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотального террора».

Карл Август Виттфогель (1896–1988) — германский и американский синолог, социолог и историк. В молодости увлеклся марксизмом, был членом коммунистической партии. После Второй мировой войны эмигрировал в США, где стал воинствующим антикоммунистом, участвовал в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, выступив в 1951 году свидетелем обвинения против американских сиологов.

Взгляды Виттфогеля развивались в рамках марксистской формационной парадигмы исторического процесса, но его усилия сосредоточены на анализе не включенного в «пяточленку» «азиатского способа производства». Анализируя связи природной среды и хозяйственных технологий Древнего Востока с его политическим устройством, Виттфогель создал концепцию «гидравлического» (или «менеджерияльного») деспотического государства. Такого рода государства возникли в связи с необходимостью организации масштабных общественных работ по созданию и поддержанию ирригационной системы

⁸ См.: Ким О.В. Проблема азиатского способа производства в советской историографии, 20-е гг. — начало 90-х гг.: дис. ... канд. истор. наук. Кемерово, 2001.

земледелия в условиях засушливого климата. Для правильного функционирования такой системы требовались усилия всей страны, централизация власти, создание разветвленной администрации с профессиональным бюрократическим аппаратом, учет и контроль. Правители «гидравлических» государств, признает Виттфогель, были «великими организаторами» и «великими бухгалтерами». Они реализовывали гигантские строительные проекты. Активно участвовали в производственном процессе и товарообмене, контролируя как земледелие, так и ремесла, предоставляя купцам широчайшие возможности для торговли, но при этом регулируя цены и проценты по договорам займа. Частная собственность и частная инициатива должны были подчиняться целям государства.

Модель «гидравлического» («менеджерального») государства давала носителям политической власти «уникальные возможности» для установления деспотии. Сравнительную прочность таких государств и их способность к самовосстановлению Виттфогель объяснял не их общественно полезными функциями, а исключительно террором по отношению к подданным. Пятая глава его книги называется «Тотальный террор — тотальное подчинение — тотальное одиночество». По словам Виттфогеля, формы террора могли быть различны — от сравнительно мягких до самых жестких, но в результате они порождали у людей страх, взаимное отчуждение и всеобщую настроенность на послушание и приспособленчество.

Зачислив государства не только Древнего, но и всего доколониального Востока в разряд восточных деспотий, Виттфогель оценил «азиатский способ производства» и связанное с ним «менеджеральное государство» как тупиковый путь развития.

В конечном счете аргументация Виттфогеля оказалась подчинена задачам идеологической и политической борьбы. Оторвав «менеджеральный» тип государства от «гидравлического» базиса, он объявил одной из модификаций восточной деспотии «тотально-менеджеральное аппаратное государство СССР».

Такого рода аргументы стали оружием в информационно-психологической войне против нашей страны⁹. Все более политизируясь, они теряли связь с научностью.

⁹ Термин «информационно-психологическая война» (information and psychological warfare)

Ричард Пайпс, профессор истории Гарвардского университета и советник президентов США в годы холодной войны, характеризовал советский строй как вариант «азиатской деспотии». По его словам, «ключ к советизму» следует искать «в практически неизменной русской политической культуре, суть которой — деспотизм верхов и рабская покорность низов». Как и в восточных деспотиях, в России, на протяжении всей ее истории, «неполноценное развитие частной собственности сделало возможным чудовищный рост государственной власти», тогда как на Западе «из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона». Этот тезис прочно утвердился в западной «советологии».

Идеи К. Виттфогеля использованы в книге М.С. Восленского¹⁰ «Номенклатура», где автор объявил советский «реальный социализм» «азиатским способом производства, обосновавшимся в XX веке». Эта книга в годы перестройки приобрела популярность у нашей «свободомыслящей интеллигенции», справедливо недовольной официальными догмами, но не готовой к критической оценке альтернативных идей и проектов. Под знаменем борьбы с «политбюрократией — номенклатурой» готовился разгром советской государственности.

В постсоветские годы понятия «азиатский способ производства» и «восточная деспотия» были востребованы представителями новой номенклатуры. Так, Егор Гайдар называл противостояние «Восток — Запад» «одной из главных дихотомий мировой истории», а «европейские традиции осуждения восточного деспотизма» — необходимыми «для определения стратегических путей развития российского общества и государства». Он считал актуальным анализ «азиатского способа производства», «потому что этот анализ, к сожалению, имел близкое отноше-

---

возник в лексиконе военных кругов США как «планомерное использование пропаганды и других психологических мероприятий с основной целью повлиять на мнения, эмоции, установки, образ действий» противника.

¹⁰ Восленский М.С. (1920–1997) — советский историк, социолог и философ. В 1972 г., будучи в заграничной командировке, стал «невозвращенцем». Возглавлял германский Исследовательский институт по изучению советской современности.

ние к социально-экономическим реалиям нашей страны»¹¹.

Рассуждения о «непроглядной мгле восточной деспотии»¹² были распространены в постсоветской литературе. В таком духе выдержан изданный в печально памятном 1993 году сборник статей «Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти».

Синолог Л.С. Васильев¹³ в двухтомной «Истории Востока», вышедшей в 1993 году, ввел в оборот понятие «власть-собственность» как «имманентную специфическую сущность, квинтэссенцию всех неевропейских сообществ в истории». Автор не дал конкретного юридического определения этому понятию, по-видимому, имея в виду верховную собственность государственной власти на землю и другие материальные ресурсы общества. По словам Л.С. Васильева, наличие «власти-собственности» делало «коммунистический тоталитаризм» «лишь модификацией восточной деспотии» с типичными для нее «произволом власти», «бесправием индивида», «строго контролируемым рынком» и «несвободой частной собственности».

«Восточной структуре», «держателю на власти-собственности», противостоит «рыночно-частнособственническая структура», возникшая еще в древности в результате «своего рода социальной мутации». По словам Л.С. Васильева, еще в античном мире «господство частной собственности вызвало к жизни свойственные ей и обслуживающие ее нужды политические, правовые и иные институты» — «систему демократического самоуправления», «систему частноправовых гарантий с защитой интересов каждого гражданина и признанием его личного достоинства, прав и свобод», «систему социокультурных принципов, способствовавших расцвету личности» и т.п.

Все это, вместе взятое, дало начало «европейскому пути развития», который, «в силу заложенных в нем потенций эволюции»,

привел в дальнейшем к торжеству капитализма. Именно потенциальная способность или неспособность к успешному капиталистическому развитию обусловила то «противостояние Восток — Запад», которое, как резюмирует Л.С. Васильев, «возрастает до уровня Символа».

Люди, ментально и политически ориентированные на вхождение в «западный мир», имеют право на такую точку зрения, но в научной и педагогической работе следует хотя бы стремиться к объективности.

Л.С. Васильев признает, что «анализ разницы между европейским и неевропейским обществами первыми дали и впоследствии стремились углубить именно европейцы»¹⁴. Это неудивительно. Такого рода теории были очень востребованы в эпоху колониализма. В XVIII и XIX веках, как констатировал А.Д. Тойнби, «наши деды составили себе странное фарисейское представление, что они не таковы, как другие люди... что западное общество застраховано от повторения тех ошибок и неудач, которые приводили к гибели другие цивилизации»¹⁵.

Однако в наши дни, когда великие азиатские державы, выдержав испытание временем, избавляются от навязанного комплекса неполноценности и выходят в лидеры мирового прогресса, рассуждения об имманентно присущих Востоку «деспотизме», «отсталости» и имманентном превосходстве Запада выглядят неуместно. По справедливому замечанию Н.И. Конрада, «ни у одного региона нет права считать себя превосходящим всех других. Мания величия здесь столь же ложна, вредна и просто смешна, как и мания величия у отдельного человека». «Народов искони передовых и искони отсталых нет; все большие цивилизованные народы Востока и Запада имели в своей истории полосы и стремительного движения вперед, и движения замедленного, а то и вовсе приостанавливающегося, что приводило к временному отставанию»¹⁶.

«Дихотомия Восток — Запад» все чаще вызывает отторжение у противников «европоцентризма»¹⁷. Противопоставление

¹¹ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995. С. 1.

¹² В кавычках — слова А.Л. Янова, российского и американского историка и публициста, в 1974 г. эмигрировавшего в США.

¹³ Васильев Л.С. (1930 г.р.) — советский и российский историк-востоковед; в настоящее время — заведующий лабораторией исторических исследований ВШЭ.

¹⁴ Васильев Л.С. История Востока. Т. I. М., 1993. С. 19.

¹⁵ См.: Тойнби А.Д. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М., 2011.

¹⁶ Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 28.

¹⁷ Европоцентризм (или евроцентризм) — идеология, провозглашающая превосходство ев-

«свободного западного мира» «деспотиям Востока» сомнительно в научном отношении и опасно в политическом. В XVIII–XIX веках оно оправдывало преступления колониализма, а в наши дни помогает обоснованию во-

ропейских народов и западноевропейской цивилизации над всеми другими. Существенный вклад в преодоление европоцентризма внес А. Тойнби (1889–1975). Его «теория цивилизаций», ставшая противовесом «формационной теории», рассматривает «единое дерево истории» как совокупность «ветвей» — самобытных цивилизаций, проходящих путь от рождения до гибели. Среди названной Тойнби двадцати одной цивилизации западная не является исключением — «человек Запада и его труды ничуть не менее уязвимы, нежели в угасших цивилизациях». В XXI веке, предвидел Тойнби, историю станут определять «Россия (которую Запад не жаждет принять в свои объятия), исламский мир и Китай». У них, по мнению Тойнби, достаточно воли и ресурсов, чтобы придать миру «незападный облик».

енных интервенций Запада по экспорту «демократии» и насаждению «несокрушимой свободы».

Литература

1. Васильев А.С. История Востока. Т. I. М., 1993. С. 19.
2. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995. С. 1.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 185.
4. Ким О.В. Проблема азиатского способа производства в советской историографии, 20-е гг. — начало 90-х гг.: дис. ... канд. истор. наук. Кемерово, 2001.
5. Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 28.
6. Монтескье Ш.Л. О духе законов. Кн. XIV. Гл. IV. М., 1955. С. 353.
7. Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд. М., 2010. С. 12.
8. Тойнби А.Д. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М., 2011.

Международно-правовое сотрудничество славянских и германских народов: некоторые вопросы институционального развития в ракурсе истории права

*Смирнова Елена Станиславовна,
заместитель Председателя руководящего Совета
по региональным связям Международного общественного движения
«Российская служба мира», кандидат юридических наук
es.selesta2010@yandex*

В статье рассматриваются некоторые стороны создания международных организаций славянских и германских народов в ракурсе истории права, а также современное состояние сотрудничества Европейского союза и России. Институт гражданства Европейского союза и гражданство Союзного государства Беларуси и России представляют собой две взаимосвязанные сферы политико-правовых отношений, имеющие перспективы развития.

Ключевые слова: славяне, Россия, организация, единство, сотрудничество, гражданство, история, политика, институт, защита, лидерство.

International Legal Cooperation of Slavic and German Peoples: Several Issues of Institutional Development from the Law History Perspective

*Smirnova Elena S.,
Vice Chairman of the Supervising Council for Regional Relations
of the International Public Movement "Russian Peace Service",
Candidate of Legal Sciences*

This article discusses some aspects of the establishment of international organizations of Slavic and Germanic peoples in the perspective of legal history, and present status of cooperation between the European Union and Russia. The institution of citizenship of the European Union and citizenship of the Union state of Belarus and Russia represent two interrelated aspects of political and legal relations with prospects.

Key words: Slavs, Russia, organization, unity, cooperation, citizenship, history, policy, Institute, protection, leadership.

Активизация деятельности столь территориально близкой России международной организации, каковой является Европейский союз, в начале XXI века обязывает ученых к рассмотрению другой стороны этого глобального процесса — формирования единства славянских народов в ракурсе его институционального оформления. Все более уверенно звучащий в политике Европы голос руководителей Германии убеждает в неизменности стремления этого государства к лидерству, что подтверждается всем ходом мировой истории. России при этом в защите национальных интересов остается опираться не только на союзнические отношения со всем евро-азиатским миром, но и вспомнить свою важнейшую историческую миссию — защиту и объединение славянского мира.

Славянские народы Европы, в начале нового века оказавшиеся разделенными на две противостоящие политические группировки — Европейский союз и Россию (пространство, включающее в себя СНГ и Союзное государство Беларуси и России), становятся в очередной раз территорией, на которой разыгрывается крупнейшая мировая политика. Рассмотрим некоторые моменты истории, характеризующие этот процесс противостояния и поиска компромисса.

О происхождении термина «славяне», многочисленной (около 280 млн человек) группе родственных по языку, культуре и происхождению народов — существует несколько гипотез. Впервые осознание единства славян встречается в «Повести временных лет» — общерусском летописном

своде XI–XII веков. Н.М. Карамзин указывает, что, несмотря на вариативность этимологий, история, неизвестная по летописям, «рождает иногда народное имя, которого никакая историческая ученость изъяснить не сможет»¹. Обобщенно можно сказать, что происхождение славян большинством ученых связывает с северными областями Балкан. Часть европейских народов ведет свое происхождение именно от славянских предков². Территория, где в древние времена проживали славянские племена, велика, а переплетение судеб государств и конкретных или легендарных исторических персонажей предполагает проведение отдельного обширного исследования. В значительной степени помогают изучению этой проблемы филологические исследования³.

Следует отметить интересную тенденцию последних десятилетий, которая по своему и оспаривает норманнскую теорию происхождения государства Российского, и одновременно показывает общность происхождения некоторых славянских племен России и Германии. Так, например, существует научная версия, что прообразом достославного Рюрика, одного из легендарных основателей русской государственности, был Рорик Ютландский, маркграф Франкской империи. В этом имени славянская первооснова «рарог» — сокол, тотемный символ поморских славян-ободритов⁴. Сам же Рорик, конкретный исторический персонаж, в результате борьбы за наследство вступил в неравную схватку с более влиятельным феодалом, потерпел поражение и был вынужден одно время быть корсаром, едва ли не пиратом, у берегов Балтийского моря. Впоследствии судьба оказалась более благосклонной к нему, и он стал маркграфом Франкской империи, завершив свою земную жизнь в почете. Имя

же это перешло в славянские источники. На месте славянского Поморья в середине XII века возникло Бранденбургское маркграфство. Поморяне-русы фигурировали в ободритском варианте предания, именуемом «Генеалогия Мекленбургских герцогств», составленном в 1697 году. Такие исторические факты, основывающиеся на исследованиях в области филологии, этнографии и топонимики. Именно они служат дополнительным источником обоснования исторической общности германских и славянских народов.

Что же касается институционального оформления славянского общественно-политического движения, то произошло такое событие в Центральной Европе в XIX веке. Место жительства южных славян в Австро-Венгрии было достаточно обширно: это словенцы — в австрийской ее части, хорваты и сербы — в венгерской части, в автономном Королевстве Хорватия-Славония. Также проживали славяне и в австрийской части автономного Королевства Далмация, в Боснии и Герцеговине. Реализация проекта по объединению славян в единое государство на Балканском полуострове (под названием Королевство Югославия) стала возможной лишь после Первой мировой войны.

Но первоначально идеи панславизма были юридически оформлены в международный союз в середине XIX века именно на территории немецких земель и Австро-Венгрии. Начало развития панславизма, или, лучше сказать, международного славянского движения, соответствовало периоду укрепления пангерманизма, который формировался на чувствах единства и национализма, переживаемых внутри этнических групп Германии в условиях господства Франции во время Наполеоновских войн. Население Австрии, состоявшее из значительных в своем разнообразии этносов, включало в себя наиболее многочисленную группу славянских народов. Австриец князь фон Меттерних на Венском конгрессе в 1815 году верно понял угрозу этому статус-кво в Австрии со стороны славян, требовавших независимости от империи. Было сделано все возможное для противодействия славянскому движению⁵.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 186.

² Манаков А.Г. Этногенез славян по данным топонимии (Историко-географическое исследование). Псков: АНО «Логос», 2007. С. 46.

³ См.: Этруско-албано-русский словарь в книге французского историка и лингвиста З. Майани «Этруски начинают говорить». М., 1966. С. 325–331.

⁴ Цветков С. Вендский сокол // Наука и жизнь. 2011. № 12. С. 70–75.

⁵ Удальцов И.И. Историография революции 1848–1849 гг. в чешских землях: Новые че-

Это были трудные и полные противоречий времена. Первый международный славянский конгресс состоялся в Праге в июне 1848 года и совпал по времени с революционными выступлениями. Принято называть эту институционально оформленную структуру «Первый Славянский конгресс» или «Первый Славянский съезд»⁶. В своем названии и самой идее эта организация отталкивалась от аналогичного Всегерманского сейма во Франкфурте.

На Славянском съезде были представлены две политические группировки: 1) умеренная, предлагавшая превращение Австрийской империи в многонациональную федерацию, где славянские народы обладали бы правом национальной автономии (австрославизм); в этом случае национальные славянские окраины получили бы право созыва сеймов, создания национальной гвардии и получения образования на славянских языках; 2) другая, радикальная группировка доказывала необходимость создания самостоятельной славянской федерации (панславизм). Также неоднозначную реакцию вызывала у делегатов необходимость определить место в этом международном политическом движении Российской империи. Если одни делегаты возлагали на нее надежды на освобождение славян, то другие (польские депутаты) относились к миссии России весьма скептически. Славянский конгресс, состоявшийся в Праге в 1848 году, также выдвинул радикальное требование о вытеснении в течение ближайших ста лет немцев, проживавших восточнее линии Штеттин — Триест, на их исконные территории⁷. Подобное заявление, безусловно, вызвало обеспокоенность официальных властей.

хословацкие исследования (1950–1985) / отв. ред. В.И. Фрейдзон. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М.: Наука, 1989; Русско-славянский календарь на 2005 год / авт.-сост.: М.Ю. Досталь, В.Д. Малюгин, И.В. Чуркина. М., 2005.

⁶ Ригер Ю. Германия и Россия – взгляд немецкого националиста. См.: [Электронный ресурс] URL: <http://rnns.ru/84475-germaniya-i-rossiya-vzglyad-nemeckogo-nacionalista.html>.

⁷ John M. Letiche and Basil Dmytryshyn: Russian Statecraft: The Politika of Iurii Krizhanich. Oxford and New York, 1985.

Завершение этого съезда в духе нынешних представлений о торжественности и вынесении резолюции не состоялось. Именно в эти дни доведенные до крайности угнетенные славянские народы Австрийской империи подняли мятеж. Начавшееся в Праге «Святодуховское восстание» было подавлено войсками. И, как и в 1914 году, во время беспорядков, шальная пуля, поразившая насмерть жену фельдмаршала Альфреда I (принца Виндиш-Грецца, который командовал австрийскими войсками), стала основанием к закрытию съезда и введению в Чехии военного положения. Результатом проведенного, но незавершенного съезда было принятие и опубликование декларативного документа «Манифест Славянского съезда 1848 года к народам Европы»⁸, утверждение всеславянских цветов для флагов славянских освободительных движений (синий, белый и красный), а также гимна.

Неверно утверждение об отстраненности России от пражских событий 1848 года. Успехи Российской империи двести лет назад в войнах против Турции⁹ и в Наполеоновских войнах послужили причиной того, что некоторые из славянских деятелей сформировали идею о политическом и языковом объединении славян именно под властью России, считая, что это поможет славянским народам в борьбе против иноземной власти. Войны шли первоначально за контроль над Северным Причерноморьем и Северным Кавказом, позже — за Южный Кавказ, за права судоходства в черноморских проливах, права христиан в пределах Османской империи и право покровительства им русского монарха, а во второй половине XIX века и за их освобождение от османского господства и включение в орбиту влияния России. Следует помнить, что Русско-турецкие войны охватывают период в 241 год.

История показывает, что борьба германского и славянского мира в его ярко выраженных очертаниях 1914 и 1941 годов имела истоками именно события середины XIX века. Противостояние двух наций —

⁸ Манифест Славянского съезда 1848 года к народам Европы // См.: [Электронный ресурс] URL: <http://slavonic.iptelecom.net.ua/ideol/1848.htm>.

⁹ Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: Курс лекций. М.: Высшая школа, 1997.

славян и германцев — происходило на фоне усиления войн России с исламским государством — Османской империей. Во всяком случае, последующая инициатива по сплочению славян после поражения в Крымской войне 1853–1856 годов и поражения польского восстания 1863–1864 годов перешла к России.

В период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов в России была уже в полной мере сформирована идеология славянского единства в лице представителей русских ученых, таких как К. Аксаков, А. Хомяков, И. Киреевский, Н. Данилевский, В. Ламанский. Мощная идеологическая борьба между так называемыми западниками и славянофилами на определенном этапе привела к утверждению о необходимости укрепления славянского единства именно посредством ресурсов Российской империи. В 1867 году в Москве состоялся Второй Славянский съезд. Основными идеями, выдвинутыми русскими панславистами и славянофилами на съезде, были: распространение русского языка как языка межславянского общения, укрепление культурного единства славянских народов. Одна из важнейших задач по созданию мощного центра всеславянского движения и его централизации не была решена.

Важно отметить, что именно в 1867 году была провозглашена Австро-Венгерская империя, в определенном смысле разрешившая проблемы славянского меньшинства во многонациональном государстве. Напечатанный на русинском языке, которым пользовались в то время жители Галиции, закон 1911 года Франца Иосифа I, императора Австрийской империи, в отношении пользования прав представляет результат именно этой борьбы славян за свои права¹⁰. Таким образом, следует сделать вывод о повторяемости многих тенденций национального движения в мировой истории, о присущем ему созидательному результату на благо недопущения дискриминации и утверждения прав человека в современном его понимании.

Что же касается Всегерманского союза, то он был основан во Франкфурте-на-

Майне 28 сентября 1890 года (официально датой основания считается 9 апреля 1891 года). Фактической причиной его создания послужило Гельголандско-Занзибарское соглашение, подписанное 1 июля 1890 года, после которого А. Гугенберг в нескольких газетах обратился с призывом создать Национальную ассоциацию с целью защиты немецких колониальных интересов. Это привело к созыву 28 сентября 1890 года совещания во Франкфурте-на-Майне, которое позже стало рассматриваться его идеологами как день основания организации Nationalverein. В число основателей этого Союза входил и Отто фон Бисмарк.

Для исследователя значима еще одна дата — 9 апреля 1891 года, когда в Берлине был учрежден «Всеобщий немецкий союз» (der Allgemeine Deutsche Verband). В 1894 году организация была переименована во «Всенемецкий союз» (Alldeutscher Verband). В учредительном манифесте было заявлено, что новое объединение будет способствовать достижению поставленных целей, каковыми являются оживление патриотического сознания, поддержка немецких интересов за рубежом и содействие энергичной немецкой политике. Деятельность союза не ограничивалась границами только Германии, но была направлена на объединение всего немецкого сообщества, экспансию, строительство флота, развитие германизма и борьбу против национальных меньшинств в Германии (в том числе против поляков в Западной Пруссии и Верхней Силезии и французов в Эльзас-Лотарингии). Высказывалось мнение, что «Всенемецкий союз» (Alldeutscher Verband) должен создать собственную политическую партию. Конкурирующее движение германского и славянского мира в условиях формирования новой, более высокой фазы накопления капитала за счет достижений науки и техники приводило к интенсивному развитию тяжелой промышленности, прежде всего вооружения.

В мире появилось осознание опасности подобного курса на милитаризацию, взятого Германией. Понимание русскими политиками неспособности собственного государства противостоять в этом соревновании по производству и накоплению оружия имело результатом не только аналитические доклады, представляемые для

¹⁰ Книга общих законов обывательских для всех немецких краев наследственных Австрийской монархии. Львов, 1868. С. 4, 5.

ознакомления царем. Именно Ф.Ф. Мартенс, русский ученый и дипломат, теоретически разработал большинство принципов по ограничению способов ведения войны и защите мирного населения во время войны. Теоретические разработки Мартенса легли в основу Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, которая была принята на мирной конференции в Гааге 1899 года, созванной по инициативе России¹¹.

Для периода, предшествовавшего Первой мировой войне, также была характерна популяризация идеи славянского единства среди народов Европы. Идеологическое его обоснование происходило в форме неославизма (или неопанславизма). К сожалению, два Всеславянских конгресса, в 1906 году в Праге и в 1910 году в Софии, имевшие целью достижение межславянского сближения перед возможной немецкой угрозой, своих высоких целей не оправдали. Российская империя, отчасти разложенная интернациональной большевистской агитацией и другими внутригосударственными проблемами, оказалась не в состоянии взять на себя функции по сплочению славянского мира.

Мир германский, в определенной степени владычествовавший в умах и крови русской монархии и наличествовавший в прогерманских силах высшего общества, не позволял прямо заявить о славянском сближении в надежде на русский авось и германское родственное обещание не нападать на Россию. Развязав балканскую войну, международный капитал превратил ее в мировую, умышленно втянув в эту войну славянские народы, сделав их пушечным мясом, приносящим огромные прибыли¹². Результатом этой кровопролитной войны стало свержение монархии, а также Октябрьская революция 1917 года в России.

После Первой мировой войны и раздела территорий Версальским мирным договором 1919 года были реализованы планы создания Югославского и Чехословацкого государств. Не сбылись перспективы создания Чешского территориального коридора и создание конфедерации Междуморья и

Польско-Чехословацкой федерации. В 1918 году, когда Россия, истерзанная голодом и лишениями в результате произошедшей революции и начавшейся Гражданской войны, не могла участвовать в глобальном разделе мира, Польша в какой-то мере рассматривала панславизм как вектор политического развития. В частности, существовали планы по созданию Центральноевропейской Федерации — Междуморья, которая объединила бы в себе большинство славянских народов, за исключением Советской России. Изучение этих страниц истории показывает повторяемость инициатив по созданию так называемого «санитарного коридора» между Европой и Россией независимо от названия — «Междуморье» начала XX века или «Восточное партнерство Европейского союза» начала XXI века.

Угасание славянской идеи — так характеризуется XX век: это период торжества интернационализма и верховенства прав человека. В Советском Союзе в первые же годы установления советской власти идеи всеславянского движения нашли полное неприятие и отторжение ввиду того, что еще главные идеологи коммунизма Маркс и Энгельс были крайними противниками славянского национального объединения¹³. Всеславянское международное объединение, по мнению некоторых советских идеологов 1920–1930-х годов, являлось националистической, реакционной, буржуазной, а также контрреволюционной идеологией. Впоследствии многие деятели славянского движения в России были вынуждены иммигрировать из страны, спасаясь от политических репрессий. Многие ученые в Советской России были репрессированы по сфабрикованному так называемому «делу славистов»¹⁴, что нанесло непоправимый урон изучению темы славистики.

Во время Второй мировой войны, после нападения Германии на СССР, советским руководством была реанимирована идея славянского содружества. 5 октября 1941 года в Москве был создан Всеславянский комитет — организация, ставившая перед

¹¹ Международное право в избранных документах. Т. III. М.: Изд-во Института международных отношений, 1957. С. 41.

¹² Тимирязев К.А. Наука и демократия. М., 1926. С. 95.

¹³ Энгельс Ф. Демократический панславизм // Neue Rheinische Zeitung. 1849. № 222, 223. 15, 16 февр.

¹⁴ «Российская национальная партия» — злоеющая выдумка советских чекистов // Вестник РАН. 1994. № 10. С. 920–930.

собой цель объединить славян в борьбе с гитлеризмом. Всеславянский комитет, помимо прочих, выполнял задачи усиления советского влияния на славянские народы и славянские армии, в частности на чехословацкую и польскую. Впоследствии эта мысль была трансформирована в идеологическое обоснование установления советского влияния в Восточной Европе.

Зарубежные активисты славянского движения в Лондоне в 1944 году инициировали создание Всеславянского комитета Англии, имевшего аналогичные взгляды со Всеславянским комитетом, созданным в 1941 году в Москве. В 1946 году советский Всеславянский комитет был преобразован в Славянский комитет СССР, который занимался поддержанием связей с общинами славянских народов многих стран. Была проведена большая работа по возвращению русских эмигрантов со всего мира в Советскую Россию¹⁵.

Большим событием в мировой истории было учреждение в 1955 году военной блоковой международной организации социалистических стран Восточной Европы — Организации Варшавского договора. Впоследствии созданный Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) утвердил международно-правовыми средствами экономическое сотрудничество стран социализма. В обе международные организации вошли все славянские государства, а значение ГДР было особенно велико¹⁶.

Что же касается зарубежного, созданного в Лондоне в 1944 году, Всеславянского комитета, то он был распущен в 1953 году. Произошло это событие, помимо прочего, и по причинам возрастания влияния советской идеологии на массы славян и иных иммигрантов, проживающих вне пределов СССР.

Последующие страницы истории славянства конца XX века — это распад СССР как своего рода центра славянского един-

ства, бегство от преследований русских и других славянских народов из новых независимых государств Средней Азии, Закавказья, Латвии, Эстонии, Молдовы, а также игнорирование российскими политиками и законодателями славянского вектора политики в масштабах СНГ, нереализация планов по строительству Союзного государства Беларуси и России и на этом фоне очередное укрепление мирового мусульманского движения. Все это есть не что иное, как очередной виток крупного мирового противостояния, где, кажется, так мало места отведено международным организациям, реализующим многовековую идею славянского единства. Славянский комитет СССР был упразднен 23 декабря 1991 года на учредительной конференции Международного общества «Славяне»¹⁷.

В начале 1990-х годов гуманитарное образовательное пространство ряда государств Центральной и Восточной Европы продолжало оставаться единственной областью сотрудничества. Например, в 1994 году была создана Международная ассоциация славянских вузов в составе Международной ассоциации исследования и распространения славянской культуры при ЮНЕСКО.

Для юриспруденции одним из самых знаковых в этом направлении исследований является институт гражданства Союзного государства Беларуси и России, провозглашенный в ст. 2 Устава Союза Беларуси и России 1997 года. Мощная идеологическая пропаганда Европейского союза во всех составляющих, а также активность этой организации на территории Беларуси в гуманитарной сфере уравнивается единством генетического происхождения народов Беларуси и России. Следовательно, исходя из диалектических законов природы, победа в этом региональном соревновательном движении в реализации института единого гражданства — ЕС или СНГ, Союзное государство — должна достаться наиболее близкому во всех отношениях международному объединению — Союзному государству Беларуси и России. Дополнительным фактором интеграции служит «боевое братство» России и Беларуси, закрепленное как на многостороннем (ОДКБ), так и на двустороннем уровне взаимодействия.

¹⁷ Кикешев Н.И. Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. М., 2008.

¹⁵ Смирнова Е.С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации. 1-е изд. М., 2001.

¹⁶ Варшавское совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе. М.: Госполитиздат, 1955; Новый этап экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами / отв. ред. А.И. Бельчук. М.: Наука, 1978. С. 136.

Не получивший до настоящего времени должной популяризации и реализации такой институт региональной интеграции, как Союзное государство Беларуси и России, является, по сути, краеугольным в формировании политики добрососедства двух континентов: европейского и азиатского. Значение ФРГ, как одного из ведущих лидеров в политике ЕС и региона в целом, будет возрастать. Поддержание мира на этом западном направлении исконно славянских территорий — одно из условий недопущения войны в начале XXI века.

Литература

1. Варшавское совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе. М.: Госполитиздат, 1955.
2. Исаев И.А. Иррациональное в праве (из опыта политической философии романтизма) // Теоретико-методологические проблемы права. Вып. 2. М.: Зерцало-М, 2007. С. 161–186.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 186.
4. Кикешев Н.И. Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. М., 2008.
5. Книга общих законов обывательских для всех немецких краев наследственных Австрийской монархии. Львов, 1868. С. 4, 5.
6. Майани З. Этруски начинают говорить. М., 1966. С. 325–331.
7. Манаков А.Г. Этногенез славян по данным топонимии (Историко-географическое исследование). Псков: АНО «Логос», 2007. С. 46.
8. Манифест Славянского съезда 1848 года к народам Европы // См.: [Электронный ресурс] URL: <http://slavonic.iptelecom.net.ua/ideol/1848.htm> (дата обращения: 14.12.14).
9. Международное право в избранных документах. Т. III. М.: Изд-во Института международных отношений, 1957. С. 41.
10. Новый этап экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами // отв. ред. А.И. Бельчук. М.: Наука, 1978. С. 136.
11. Ригер Ю. Германия и Россия — взгляд немецкого националиста // См.: [Электронный ресурс] URL: <http://rnns.ru/84475-germaniya-i-rossiya-vzglyad-nemeckogo-nacionalista.html> (дата обращения: 17.12.2014).
12. «Российская национальная партия» — зловещая выдумка советских чекистов // Вестник РАН. 1994. № 10. С. 920–930.
13. Русско-славянский календарь на 2005 год / Авт.-сост.: М.Ю. Досталь, В.Д. Малюгин, И.В. Чуркина. М., 2005.
14. Смирнова Е.С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации. 1-е изд. М., 2004.
15. Тимирязев К.А. Наука и демократия. М., 1926. С. 95.
16. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: Курс лекций. М.: Высш. шк., 1997.
17. Цветков С. Вендский сокол // Наука и жизнь. 2011. № 12. С. 70–75.
18. Удальцов И.И. Историография революции 1848–1849 гг. в чешских землях: Новые чехословацкие исследования (1950–1985) / отв. ред. В.И. Фрейдзон. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М.: Наука, 1989.
19. Энгельс Ф. Демократический панславизм // Neue Rheinische Zeitung. 1849. № 222, 223. 15, 16 февр.
20. John M. Letiche and Basil Dmytryshyn: Russian Statecraft: The Politika of Iurii Krizhanich. Oxford and New York, 1985.

Организация Объединенных Наций: прошлое, настоящее, будущее (обзор материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию принятия Устава ООН)

*Тонков Евгений Евгеньевич,
декан юридического факультета
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук
etonkov@bsu.edu.ru*

*Сафронова Елена Викторовна,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, доктор юридических наук
elena_safronova_2010@mail.ru*

В обзоре конференции представлена серия пленарных докладов, иллюстрирующих гуманитарные аспекты деятельности Организации Объединенных Наций, вопросы повышения эффективности международного взаимодействия, способы выявления социально-экономических противоречий и кризисов современности, их сущности и духовно-нравственных истоков, проблемы институционального, кадрового и функционального реформирования ООН, глобализации и перспектив развития международного права, его влияния на процесс политико-правовой модернизации в России, международной корректировки правозащитных рисков. Сделан вывод, что реформирование ООН должно служить благородным и практически значимым общим целям, изложенным в Уставе Организации, а не выступать средством, ориентированным на испытание аксиологических уставных конструкций.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, право, экономика, международное взаимодействие, глобализация, реформирование, модернизация, правозащитные риски.

The United Nations Organization: Past, Present, Future (Survey of Materials of the International Scientific and Practical Conference devoted to the 70th Anniversary of adopting the UN Charter)

*Tonkov Evgeniy E.,
Dean of the Faculty of Law, Professor
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Law*

*Safronova Elena Viktorovna,
Professor of the State and Law Theory and History Department
at the Belgorod State National Research University,
Doctor of Law*

In the conference survey, a series of plenary reports describing humanitarian aspects of activities of the United Nations Organization, issues of increase of the international interaction efficiency, ways of revealing social and economic contradictions and crises of the present, their essence, spiritual and moral sources, issues of institutional, personnel and functional reforming the United Nations Organization, globalization and prospects of international law development, its effect on political and legal modernization process in Russia, international adjustment of legal advocacy risks is considered. A conclusion is made that reforming the United Nations Organization should serve noble and practically significant overall purposes stated in the Charter of the Organization, instead of acting as a mean for testing axiological charter constructions.

Key words: the United Nations Organization, law, economy, international interaction, globalization, reforming, modernization, legal advocacy risks.

Международная научно-практическая конференция «Организация Объединенных Наций: прошлое, настоящее, будущее», посвященная 70-летию принятия Устава ООН, проходила 23–24 октября 2015 года в Белгородском государственном национальном исследовательском университете (НИУ БелГУ). Она была организована Юридическим институтом НИУ БелГУ, а также Варминско-Мазурским университетом в Ольштыне (Польша) и Великотырновским университетом Святых Кирилла и Мефодия (Болгария).

В конференции приняли участие более 70 ученых, государственных и общественных деятелей из 11 стран и 20 субъектов федерации, а также студенты и аспиранты белгородских вузов.

Пленарное заседание открыла первый проректор НИУ БелГУ доктор экономических наук, профессор **Татьяна Валерьевна Балабанова**, которая рассказала участникам конференции о Белгородском госуниверситете, отметив высокие достижения коллектива вуза в научной, образовательной, культурной и международной деятельности. Т.В. Балабанова подчеркнула, что НИУ БелГУ стремится к тому, чтобы войти в число глобальных университетов и взаимодействовать с ведущими мировыми организациями. *«Мы уже подписали ряд соглашений с представителями Организации Объединенных Наций и наметили дальнейшие мероприятия по взаимодействию НИУ БелГУ и ООН. Конференция, которую мы проводим сегодня, — это один из тех шагов, который выводит наш университет на мировой уровень»*, — отметила Татьяна Валерьевна.

От имени губернатора Белгородской области и органов законодательной власти региона к участникам обратился первый заместитель председателя Белгородской областной Думы доктор технических наук, профессор **Александр Иванович Скляр**. Он отметил, что в современном мире стираются границы между национальным и международным правом, а проблемы, возникающие в мировом сообществе, должны решаться только сообща.

Уполномоченный по правам человека в Белгородской области **Александр Григорьевич Панин** отметил, что результаты научной конференции помогут научному сообществу работать над улучшением ситуации в мире.

Участников конференции приветствовала начальник Управления профессионального

образования и науки Департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области доктор психологических наук, профессор **Альбина Александровна Бучек**. *«Мы все живем в большом доме, где тенденции мирового развития заставляют нас думать глобально, и поэтому наша конференция посвящена построению мостов взаимодействия между странами. Желаю всем участникам конференции плодотворного сотрудничества, интересной работы и новых идей»*, — отметила Альбина Александровна.

После официального открытия конференции участники перешли к пленарному заседанию. Его модератором стал заместитель председателя Оргкомитета, директор Юридического института НИУ БелГУ доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Евгений Евгеньевич Тонков**.

Вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, заведующий кафедрой международного права РУДН профессор, доктор юридических наук, председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН **Аслан Хусейнович Абашидзе** не совсем обычно назвал свой доклад: «ООН была создана не для того, чтобы привести человечество в рай, а, скорее, для того, чтобы спасти человечество от ада». Он отметил, что в целом мы наблюдаем заметные изменения в мировой политике и международных отношениях. Международное сообщество в чем-то модифицируется, однако оно в целом остается неизменным¹ во многих аспектах. Прежде всего, стержнем мировой политической системы и основным субъектом международных отношений и международного права по-прежнему остаются суверенные государства: за ними по-прежнему сохраняется исключительное право в деле принятия решений в мировой политике и в рамках международных организаций; суверенные государства по-прежнему стремятся к реализации национальных интересов в международных отношениях без потери существенных элементов суверенитета, прежде всего — суверенных прав. Безусловно, глобализация влияет на суверенитет государств, однако нет никаких оснований говорить о стирании го-

¹ Roberts A., Kingsbury B. Introduction: The UN's Roles in International Society Since 1945 // United Nations: Divided World (2nd ed.) / A. Roberts, B. Kingsbury (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 1.

сударственных границ, о «конце географии»². По-прежнему для ООН краеугольным остается требование п. 7 ст. 2 Устава, согласно которому Устав не дает ООН прав вмешиваться в дела, «по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава».

По мнению А.Х. Абашидзе, сегодняшний мир похож на «анархию» суверенных государств. При наличии ООН, специализированных учреждений системы ООН, региональных объединений государств с наднациональными полномочиями (например, Европейский союз), разнообразных концепций о «глобальном управлении»³ и т.д. мы тем не менее не можем говорить о каких-либо признаках «мирового правительства». Парадокс заключается в том, что ООН изначально поставлена в такую ситуацию, когда она должна одновременно выступать и за триумф, и за эрозию суверенитета государств-членов. Однако она доказала свою способность быть центром согласования действий суверенных государств и выступать в качестве универсального инструмента коллективной безопасности. Ей нет альтернативы в условиях, когда ключевая роль в решении различных вопросов международных отношений отводится суверенным государствам. Следовательно, вывод однозначный: государства — члены ООН должны проявить политическую волю, для того чтобы «превратить» ООН в еще более эффективную организацию, отвечающую всем требованиям современного развития в условиях все более взаимосвязанного мира.

Представитель Верховного комиссариата ООН по делам беженцев в России **Баиса Вак-Войя** в своем докладе осветил гуманитарные аспекты деятельности Организации Объединенных Наций и роль Управления Верховного комиссариата ООН по делам беженцев в международной политике. По его словам, в 19 лет он приехал в СССР из Эфиопии в составе целой группы из 500 человек, которых отправило правительство на учебу в РУДН им. Патриса Лумумбы. *«Я выражал свое мнение, что наш правитель убил всех, кто против него. Я сам был марксистом, но убивать*

за то, что человек не любит марксизм, это неправильно. Меня лишили гражданства Эфиопии, забрали паспорт. У меня было студенческое удостоверение, и я по нему 6 лет жил без паспорта», — рассказал Баиса Вак-Войя.

По его мнению, чиновники во многих странах не очень понимают, что это долг государства — защищать беженцев. Нет искреннего желания помогать. А беженцы — самые незащищенные, поэтому с добрым сердцем надо к ним отнестись. Мигранты могут всегда вернуться домой, а беженцы не могут. Здесь будет их будущий дом. Надо относиться как священник с хорошим духом, но это отсутствует. Внутри страны совсем другое — люди добрые, но для всего мира это неизвестно, потому что ваше лицо закрыто.

Декан юридического факультета Великотырновского университета доктор юридических наук, профессор **Цветан Сивков** (Болгария) остановился на необходимости реформирования Совета Безопасности ООН. Практически почти все государства в ООН разделяют взгляд, согласно которому реформа состава СБ необходима и полезна, но естество такой реформы является проблемой, для решения которой не хватает консенсуса. Более того, изменение состава СБ немыслимо без изменения Устава ООН, то есть, чтобы оно состоялось, нужно достигнуть не только широкого консенсуса в Генеральной Ассамблее (2/3 членов — государств ООН), но и полного согласия со стороны пяти постоянных членов СБ. Несмотря на множество внесенных проектов резолюций и проведенных дискуссий, уже больше двух десятилетий реформа числа членов СБ не проводится. Болгария рассматривает реформу СБ в качестве части целостной реформы ООН, без которой эта реформа была бы незаконченной. Болгария поддерживает такое расширение Совета Безопасности, которое в состоянии генерировать возможно наиболее широкий консенсус, и в этом контексте поддерживает расширение СБ в обеих категориях — в принятии постоянных и непостоянных членов. В качестве члена восточноевропейской региональной группы в ООН Болгария категорично настаивает (при всех возможных вариантах расширения СБ) на обеспечении как минимум одного дополнительного непостоянного места страны — представителя той группы, чьи члены удвоились в последние годы. Время реформы Совета Безопасности ООН давно настаивало. Новые глобальные угрозы миру и

² O'Brien R. Global Financial Integration: The End of Geography. London: Pinter, 1992.

³ Murphy C.N. International Organization and Industrial Change: Global Governance Since 1850. Cambridge: Polity Press, 1994.

безопасности обязывают мировое сообщество искать компромисс, ведущий к превращению Совета Безопасности в широко представленный и эффективный орган, способный обеспечить выполнение цели ООН, не случайно указанной в ч. 1 ст. 1. Устава ООН, — принимать эффективные коллективные меры предотвращения и устранения угроз миру и подавления действий агрессии или других нарушений мира.

Заведующая кафедрой конституционно-го и муниципального права Юридического института НИУ БелГУ доктор юридических наук, профессор **Марина Васильевна Мархгейм** выступила с докладом «Устав ООН: испытание переоценкой ценностей». Она обратила внимание на опасность подвергать пересмотру такой общий для всех государств знаменатель, как ценность равенства государств в своем суверенитете. По ее мнению, это единственный корректный критерий сравнения столь разных стран. Государственные деятели государств — членов ООН в сложившемся миропорядке могут стать мишенью ввиду неугодыности «сверхдержаве». Разрушается ценность общей договоренности, добросовестное выполнение которой адресовано всем государствам — членам ООН как императив. Реформирование ООН не должно приводить к ослаблению ценностной основы уставных целей и принципов.

Профессор кафедры международной экономики и мирового хозяйства Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина доктор экономических наук **Виктория Витальевна Компаниец** (Украина) подчеркнула, что две страшные мировые войны и отчаянные попытки западной цивилизации зафиксировать свое привилегированное положение путем установления на всей планете глобальной диктатуры в рамках той или иной модели «нового мирового порядка» подтверждают горькую правоту оценок «русского американца» Питирима Сорокина. Следующий признак упадка западной цивилизации, закономерно вытекающий из неверия, уничтожения духовной жизни, традиций, — это угасание духовного творчества, угасание культуры. Еще в начале XX века, характеризуя западную цивилизацию, О. Шпенглер отмечал, что для западноевропейского человечества уже поздно ждать большой живописи или музыки. Все силы угасающей культуры сосредоточиваются в технике⁴. Человечество те-

ряет смысл своего существования, и наступит нусогенный кризис — кризис осмысления бытия всего человечества и каждого человека в условиях динамично изменяющейся реальности и нарастания числа локальных и мировых вызовов. Сегодня человек, «заикливаясь на материальном», перестает чувствовать себя личностью, чувствует себя беспомощным и незащищенным от внешней быстро изменяющейся среды. Но, чувствуя все это (часто это выражается в хронической депрессии), он становится неспособным понять причину катастрофы, происходящей с ним и со всем миром. Человек не только не успевает осмыслить суть происходящего, потому что у него не хватает времени и сил для этого (необходимо зарабатывать, чтобы выжить или хорошо жить — для кого как, а также потреблять, заботиться о своем здоровье, а все это требует огромного времени), он уже почти не способен понять, что происходит, поскольку его отучают думать. Кстати, современные реформы в образовании нацелены именно на то, чтобы отучить человека думать, различать добро и зло, системно и целостно воспринимать окружающий мир, правильно ориентироваться в происходящем.

Профессор кафедры административного и международного права Юридического института НИУ БелГУ доктор юридических наук **Елена Викторовна Сафронова** в своем докладе «Глобализация и перспективы развития международного права» остановилась на основных противоречиях между различными государствами, которые сосредоточены в экономической, технологической и финансовой сферах. При этом в настоящее время, в условиях глобализации и интернационализации международной хозяйственной жизни, появляется новый узел противоречий — между транснациональными корпорациями и национальными государствами. Современная финансовая олигархия ТНК стремится вывести передовые производства из-под контроля государственных режимов, а государственная политическая элита пытается закрепить космополитические стуски капиталов на своей национальной почве. Столкновение этих противоположных устремлений порождает острые противоречия.

Новые тенденции в развитии базисных отношений не могут не отражаться на развитии надстройки — международного права, которое тоже развивается весьма противоречиво. С одной стороны, стандартизация междуна-

⁴ Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. М.: Эксмо, 2009. 800 с.

родного права оказывает влияние на развитие внутригосударственного права, инициируя явления унификации и правовой аккумуляции. С другой стороны, серьезную обеспокоенность вызывает появление автономных норм, правовых институтов и отраслей правовой практики, происходящее при относительном игнорировании правотворческой и институциональной активности в смежных областях и общих принципов и методов международного права. Это явление, получившее название фрагментации международного права, приводит к коллизиям между нормами или комплексами норм и грозит утратой общей международно-правовой перспективы.

Признавая тенденцию формирования многополярности мира, Е.В. Сафронова считает, что будущее международного права зависит от множества факторов, среди которых важнейшим выступают международные экономические отношения. В условиях экономического доминирования США, Евросоюза, Японии, а также крупнейших ТНК, связанных с политическими элитами этих «центров экономической силы», требования международного признания транснационального экономического (квазимеждународного) права будут звучать все настойчивее. Послужит ли это обеспечению государственных и общенациональных интересов? Скорее нет. Деятельность ТНК может и должна регулироваться путем взаимодействия международного и внутригосударственного права. В связи с этим задачей международного сообщества в настоящее время выступает сохранение согласительного (координационного) характера международного права, служащего гарантом суверенных прав государств и их народов. Прогрессивное развитие международного права возможно только в условиях баланса интересов между государствами различных цивилизационных типов.

Директор Юридического института НИУ БелГУ доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Евгений Евгеньевич Тонков** в докладе «Влияние международного права на процесс политико-правовой модернизации в России» сделал вывод, что современная международная обстановка инициирует ускоренное развитие процесса политико-правовой модернизации, однако не в ущерб суверенитету России. Если рассматривать модернизацию как универсальный процесс адаптации к меняющимся условиям, то

сущность политико-правовой модернизации заключается в приведении содержания политики и права не только в соответствие с международным правом, но в первую очередь — в соответствие с потребностями российского общества. Целесообразность решения данной проблемы в условиях кризиса объясняется не только потребностями собственно научного анализа, но и необходимостью совершенствования политической и юридической практики.

Правовое положение граждан всегда определялось внутренним правом и рассматривалось как внутреннее дело государства. После принятия в 1948 году Всеобщей декларации прав человека и разработки в рамках ООН международных пактов и других договоров о правах человека постепенно сформировался принцип, согласно которому права человека хотя и регулируются в основном внутригосударственным правом, но не являются исключительно внутренним делом государства.

Более того, законодательства стран должны соответствовать международным стандартам о правах человека, а участники договоров и международные организации имеют право выступать в защиту прав граждан других государств, используя при этом политические или дипломатические средства. Теперь это не считается, как прежде, вмешательством во внутренние дела, хотя некоторые государства, в том числе и Россия, нередко с раздражением реагируют на такие акции. По мнению Е.Е. Тонкова, применение мер по защите прав человека в другой стране допустимо только при нарушении норм, содержащихся в международных договорах. Сложившаяся ситуация, которая сопровождается усилением интереса к рассмотрению региональных и глобальных проблем в различных сферах правового регулирования, требует качественно иных видов анализа, выявления и прогнозирования тенденций развития права, по сути дела, новой методологии, способной в определенной степени упорядочить формирующиеся новые направления научного знания.

Доцент кафедры теоретической и практической психологии Казахского государственного женского педагогического университета **Владимир Владимирович Чистов** отметил, что Казахстан заслужил широкое признание в ООН как государство, имеющее взвешенный и конструктивный подход к решению мировых проблем. Он всецело поддерживает миротвор-

ческую деятельность ООН. Свидетельством этого является подписанный в 2003 году Меморандум о создании Казахстанского миротворческого батальона «Казбат», который предоставляет персонал, бронетехнику и транспорт для миротворческих операций, участвуя в системе ООН для операций по поддержанию мира. Казахстан также выступает за укрепление партнерских связей между странами — членами ООН в борьбе с организованной преступностью, наркоугрозой, незаконной миграцией, религиозным экстремизмом, бедностью и распространением ВИЧ (СПИДа). В связи с этим Казахстан активно участвует в деятельности, связанной с реализацией Целей развития тысячелетия и принципов устойчивого развития. Приверженность Казахстана своим обязательствам по реализации данных целей и принципов является краеугольным камнем в основе дальнейшего расширения сотрудничества республики с ООН и организациями ее системы.

Заместитель директора Юридического института НИУ БелГУ по научной и международной деятельности кандидат юридических наук, доцент **Алевтина Евгеньевна Новикова** в докладе «Международная корректировка правозащитных рисков: универсальный уровень» приводит обоснование того, что одним из определяющих векторов обновленной конституционной стратегии России является право личности в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации)⁵. Вводимые в национальное законодательство общепризнанные принципы, нормы, а в соответствии с ними и механизмы должны опираться и взаимодействовать с оправдавшими себя традиционными правозащитными институтами России. Указанное направление предполагает наличие возможности для личности использовать наряду с нормами национального законодательства международно-правовые нормы. Конституционно-правовая политика должна быть направлена на

создание прецедентов применения норм международного права, предоставления организационно-материальных условий и правовых гарантий для осуществления декларируемых в Конституции РФ положений. Универсальный уровень международного правового регулирования представлен большим количеством актов, касающихся человека, его прав и свобод и использующих в своем тексте дефиниции. С одной стороны, данную практику следует признать положительной, так как она оказывает позитивное влияние на последующую унификацию и гармонизацию норм национального и международного права. Вместе с тем разработчики международных правовых актов допускают ошибки в применении правил юридической техники при построении норм-дефиниций, что затрудняет уяснение ключевых положений, смысла предписаний и в конечном итоге способствует развитию рискованной ситуации, в которой из-за неверной терминологической интерпретации будут нарушены субъективные права.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета доктор юридических наук **Валерий Петрович Беляев** (г. Курск) считает, что систематизация накопленного правотворческого и правоприменительного опыта, выработка предложений, направленных на оптимизацию правозащитного законодательства, в совокупности с общетеоретическими разработками в данной сфере позволят обеспечить законное и обоснованное применение субъектами средств правовой защиты и плодотворно решать задачи по стабилизации современного российского общества. Тенденцией последних лет является признание отраслевыми науками (в частности, конституционным, административным, гражданским и уголовным правом) правовой защиты гражданина в качестве межотраслевого юридического института. Нельзя также не сказать и о том, что при изучении юридического механизма применительно к правам и свободам человека мы неминуемо сталкиваемся с конкуренцией таких понятий, как «механизм обеспечения прав и свобод», «механизм охраны прав и свобод» и «механизм защиты прав и свобод». Существование параллельно данных понятий объясняется достаточно просто. Так, ст. 45 и 46 Конституции РФ содержат формулы: «государственная защита прав и свобод человека и гражданина», «судебная защита прав и сво-

⁵ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

бод», «внутригосударственные средства правовой защиты». Кроме данных терминов, в действующем законодательстве содержатся дефиниции «охрана» и «обеспечение» прав и свобод человека, «правовая» и «юридическая защита». Во многих нормативно-правовых актах предусмотрена презумпция охраны и защиты прав человека.

Директор Дипломатической академии **Цирил Свобода** (Чехия) в своем выступлении рассмотрел пути укрепления авторитета Совета Безопасности ООН, а его коллега — директор по международным образовательным программам и маркетингу Центрального университета Богемии **Алексей Лесник** охарактеризовал международные стандарты в сфере образования. Ученые факультета права Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша) **Камил Фраковяк** и **Михаил Петкевич** рассказали о правовых мерах борьбы с морским пиратством в контексте Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

Доцент кафедры конституционного, муниципального и административного права Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **Андрей Павлович Забайкалов** подчеркнул, что наиболее четко основные стандарты избирательного права сформулированы в Руководящих принципах относительно выборов, принятых Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии 5–6 июля 2002 года⁶. В частности, они предусматривают, что в основе избирательного наследия Европы лежат следующие принципы: всеобщее, равное, свободное, тайное и прямое избирательное право; кроме того, выборы должны проводиться регулярно. При этом указанные принципы касаются выборов не только в органы государственной власти, но и в органы местного самоуправления. Статья 3 Европейской хартии местного самоуправления, подписанной в Страсбурге 15 октября 1985 го-

⁶ Руководящие принципы относительно выборов приняты Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии 5–6 июля 2002 г. // Проведение выборов: Европейские стандарты и процедуры оценки (По материалам, предоставленным Европейской комиссией за демократию через право Совета Европы) // [Электронный ресурс] URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25539 (дата обращения 20.09.2015 г.).

да⁷, предполагает, что право местного населения регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею под свою ответственность осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования. Российская избирательная система отличается существенным динамизмом. Практически каждая избирательная кампания проходит по новым правилам. С учетом относительной молодости современного российского государства поиски оптимального механизма реализации народовластия оправданны. В то же время закрепление универсальных принципов избирательного права на высшем уровне позволило бы придать избирательной системе определенную стабильность. Тем более что это соответствует практике ведущих мировых держав. Иначе на определенном этапе может возникнуть риск их игнорирования.

Доцент кафедры теории государства и права и конституционного права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина кандидат юридических наук **Марина Валентиновна Ишанова** исследовала роль международных судов и высказала мнение, что во многом благодаря усилиям отечественных правоведов международные суды стали особым явлением и ознаменовали новый этап в истории международных отношений. Их деятельность не должна сводиться только к разрешению юридических конфликтов, возникающих между государствами. От международных судебных учреждений ожидают содействия утверждению международного права, позитивного влияния на дальнейшее развитие национального законодательства.

Подводя итоги конференции, ее научный руководитель, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института НИУ БелГУ доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Геннадий Александрович Борисов** в докладе «Устав ООН как правовое ядро согласования добрых волей государств» отметил актуальность рассмотренной темы, а также творческий характер научных выступлений и на основании их обобщения подвел основные итоги форума.

⁷ Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15 октября 1985 г.) // СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.